

МЕДИНА МИРАЙ

ШКОЛОНЦИЯ

18+

ЧТО ХУЖЕ: ЖАЛОСТЬ ИЛИ ПРЕЗРЕНИЕ?

Медина Мирай

Школония

Серия «Медина Мирай. Молодежные хиты»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005788

Школония: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-127382-8

Аннотация

Тринадцать лет я жил обычной жизнью. Обычной жизнью инвалида. И не понимал, ради чего. Какую роль я должен сыграть? Чьи судьбы изменить? И кто изменит мою? А потом появился Данил – бездомный тринадцатилетний мальчишка. С ним открылась новая глава моей жизни – по крайней мере, так я считал. Но за светом всегда кроется тьма, и я не знал, что был в ней с самого начала.

Смерти близких, друзей, предательства людей, за которых я отдал бы все, что у меня есть... И Школония – школа-тюрьма для юных преступников. Вот малая часть того, с чем мне только предстояло столкнуться...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	74
Глава 8	87
Глава 9	92
Глава 10	107
Глава 11	115
Глава 12	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Медина Мирай

Школония

Copyright © Медина Мирай, 2022

© Виктория Бутякова, Иллюстрации на обложке, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Я написала «Школонию» в 2018 году, за год до того, как меня взяли в АСТ.

Мы хотели издать ее сразу после «Воскресни за 40 дней» летом 2019, но без цензуры это было невозможно.

И вот спустя столько лет мы на финишной прямой. Хотя стиль письма у меня уже изменился, я не стала переделывать его в «Школонии». Для меня, как и в других случаях с изданием старых книг, было важно сохранить историю такой, какой она была когда-то. Но книга все равно прошла редактуру и корректуру.

Я прошу не воспринимать эту книгу как новую, она старая и даже очень. Мы издаем её для тех, кто ждал её все эти годы.

Чем еще можно поделиться? На Wattpad эта книга получила, пожалуй, самые эмоциональные отзывы. Я не жду, что кто-то назовет эту историю своей любимой, лучшей и будет ее нахваливать. Она вызовет у вас противоречивые эмоции.

В этой книге изначально должны были быть иллюстрации, но, к нашему сожалению, так получилось, что их нет. Зато они есть в альбоме «Школония» в моей группе ВК «мирай». Советую посмотреть их перед прочтением, если не боитесь спойлеров, или после прочтения.

Для новых читателей: без преувеличения предупреждаю,

что это тяжелая история от первого лица. С ней вы не отдохнете, юмора и забавных моментов здесь практически нет. Есть травмированные юные российские преступники, которые хотят свободы и достойной жизни. Кто-то, возможно, ее получит, а кто-то нет.

Глава 1

– До вечера, Сильвестр! Мы с Марком будем вас ждать!

Я не знал, сколько еще тысяч раз мне придется услышать наигранный противный голосок своей молодой сиделки, увидеть ее смазливое личико и испытать отвращение к этому лицемерному исчадию ада.

Отец машет мне на прощание, но я вижу лишь начало этого взмаха и только половину его светлого лица: все остальное загораживает костлявая кикимора.

Вот и сейчас она изобразит последнюю на сегодня милую улыбочку, взятую из огромной коллекции притворных гримас, закроет дверь на все замки, чтобы никто не стал свидетелем ее преступлений, и повернется ко мне с уже каменным лицом.

Да, так она и поступила. Я уже привык к такому сценарию. Порой наблюдать за этим было даже смешно. И как ей самой не надоело?

Сиделка Анита, строя недовольную рожу, будто ее заставили перетаскать сто бочек с вином, закатила меня в мою комнату ближе к окну. С таким же измученным видом она наугад достала с полок книги и швырнула их на стол. Она предлагает мне эти книги уже сотый раз, и каждую из них я знаю по памяти на десять с плюсом. Если бы я мог говорить, то пересказал бы их все без запинки и подглядываний. Но

Бог не даровал мне способность говорить, как и способность ходить.

Я смотрел в окно, выходящее на двор и улицу. На то, как сверстники проходят мимо и презрительно смотрят на меня, наверняка думая: «Тупой неудачник».

Но я не считал себя таковым. У меня был заботливый папа, дом, море книг и много свободного времени, дабы нафантазировать свою жизнь. Какой она была бы, умей я ходить. Каким я был бы, умей говорить.

Однажды я услышал за забором разговор двух мальчишек:

– А почему он не выходит на улицу? Болеет, что ли?

– У него вроде как ноги с рождения парализованы, и он их не чувствует.

– Разве возможно родиться с парализованными ногами?

– Не знаю, мне все равно. Давай быстрее! Там сейчас очередь в пиццерию нахлынет. Они же две пиццы по цене одной до обеда продают...

Я подкатил к выходу и слегка приоткрыл дверь, чтобы узнать, чем же сегодня утром займется моя горе-сиделка. С кухни слышалась неразборчивая болтовня диктора местных новостей. Наверное, опять кто-то кого-то убил или ограбил. Такие новости нам подавали на завтрак, обед и ужин.

Кстати об этом, я еще не завтракал. Анита могла покормить меня и после девяти, и после двенадцати, если вспомнит. Она пользовалась тем, что я не мог ничего рассказать

отцу. Считала меня тугодумом, раз даже слово «папа» мне дается написать с трудом; думала, что я безвольная кукла, которую можно бросить на пол, растоптать и пойти дальше; что у меня нет разума, и такие понятия, как обида, злость и боль, мне неведомы.

Я никогда не показывал Аните своих слез. Хотел, чтобы она просто считала меня предметом, уход за которым хорошо оплачивался. Стоит показать ей свою слабость, и она станет ко мне снисходительней. Но не из сострадания, а из страха, что однажды я расплачусь перед отцом, когда рядом будет стоять она, и буду биться в истерике, сжимая его ношеное пальто. Мне не нужна ее лицемерная жалость.

– Ой, Маш, знаешь, – слышал я с кухни вперемешку со звоном посуды, – меня так достала эта работа. Я ее просто ненавижу! Каждый день следить за этим дохляком, готовить Его Величеству еду, да еще и присматривать, чтобы не наделал в штаны. Просто ужасно! Ненавижу эту работу, хотя бабла отваливают прилично... Да, ты права, в этом Мухосранске нигде больше таких денег не сыщешь, только если проституткой работать, но это я уже пробовала. Контингент даже хуже, чем этот задохлик.

«Ненавижу, ненавижу, ненавижу...»

Я слышал это слово постоянно: утром, днем и вечером. И каждый раз мне хотелось прокричать его, адресуя сиделке Аните. Но все, что мне оставалось делать, это просто закрыть дверь и вернуться к столику с книгами.

Итак, что тут у нас? На столе были разбросаны «Как приручить дракона», первая и восьмая части, «Одд и Ледяные великаны», «Хоббит» и книга, которую я читал постоянно, но ненавидел в душе – «Мы, лишённые чувств». Если первые четыре я мог смаковать с удовольствием, отвлекаясь от обыденности и погружаясь в мир загадок и приключений, то в этой меня каждый раз ждало жестокое столкновение с реальностью. В ней были и дружба, неведомая мне, и любовь, в существование которой я не верил. Все эти понятия были для меня далеки: я не имел друзей – людей, не родных по крови, но готовых встать за меня горой.

Мне уже тринадцать лет, но я могу лишь рассуждать об этих понятиях.

Что такое дружба? Когда она приходит и когда уходит? И можно ли назвать дружбой ту связь, что после недолгого контакта исчезает, или она живет до самой смерти?

Я не знал. В книгах герои были неразлучны, как земля и луна, и не было конца их связи. А что же в реальности?

Отец никогда не рассказывал о своих друзьях, а мужчины в черных костюмчиках, что являлись к нам в дом, больше походили на тех людей, ищущих выгоды, а не дружбы. И сиделка Анита была из их числа.

Что же до любви... Ох, тема, больная абсолютно для всех. Каждый хоть раз переживал нечто называемое этим красивым словом – любовь. И в книгах она описана так сказочно и так волшебным, что диву даешься, думая: «Неужели люди мо-

гут быть настолько привязаны друг к другу? Настолько верны, что идут на обратную сторону жизни вслед за любимым человеком?». Звучит волшебно, и оттого нереально.

Вы скажете: «А как же твоя любовь к отцу?». Я отвечу.

Любовь к отцу дана мне с первых дней жизни, как и любовь к матери, бросившей нас из-за моих отклонений. Я люблю ее за то, что дала мне жизнь, любовь эта безусловна. Понимаю, что на свете есть тысячи семей, благополучных только на людях. А дома они постоянно скандалят и еле терпят друг друга, вынужденные играть свои роли, лишь бы кто-нибудь не сказал про них чего-то дурного.

И если у дружбы пола нет, то есть ли пол у любви?

Я услышал за дверью знакомое ленивое шарканье тапочек, подошва которых была истерта почти до дыр. Дверь открылась. На пороге стояла как всегда мрачная Анита.

– Жрать подано. Выкатывать я тебя не стану, сам доберешься.

Я ни капельки не удивился такому «приглашению». Напряг свои тонкие руки и крутанул колеса вперед. Не сказать, что было тяжело делать это каждый раз, когда этой кикиморе лень. К своему весу я привык, и к ногам, которые никогда не чувствовал, тоже.

На персональном низеньком кухонном столе ждала яичница, из которой сочилось масло, снизу, судя по краям, она нехило подгорела. Анита поставила передо мной стакан молока так резко, что я дернулся от неожиданности, а молоко

немного выплеснулось через край. Она поставила блюдо с парой кусочков свежего кукурузного хлеба – моего любимого. Не подумайте, что сиделка дала его мне, потому что я его люблю. Просто в доме другого не было.

После первого же кусочка яичницы я понял, что Анита, вероятно, выронила на сковородку все содержимое солонки. Едва ли случайно. Каждый последующий кусочек я заедал хлебом, а под конец запил все молоком.

Все это время Анита подпиливала свои ногти-когти, которые действительно походили на когти зверя – такие же черные и острые, любому глаз можно выколоть. Я исподлобья наблюдал за тем, как она перекидывала одну худую ногу на другую и наоборот, перебирала свои прямые каштановые волосы и поправляла малиновую майку. Она была красива снаружи, и как жаль, что уродлива внутри. Иногда я задумывался, совершала ли эта девица хоть раз в своей жизни добрый поступок? Типа подкармливания бездомного котенка или подачи милостыни несчастной старушке. Но, судя по высокомерному выражению ее лица, даже во время работы пилкой сострадание и доброта были для нее словами с другой планеты.

– Мы прерываем нашу передачу для экстренных новостей, – раздался голос диктора из висевшего в уголке старенького телевизора. – В *** неизвестные ограбили сувенирную лавку, предварительно избив хозяина – Михаила Ткаченко. По предварительным данным, Ткаченко находится в

критическом состоянии. Врачи сообщают, что полученные травмы требуют длительного лечения. Есть версия, что это дело рук местной банды ШМИТ. Сейчас нам показывают фото их главаря, – на экране появилось размытое фото мужчины в темной куртке. – А теперь к другим новостям...

Такие новости поступали почти каждый день и уже никого не трогали. Все давно привыкли.

Наш город и городом-то назвать сложно. Да, есть свое региональное телевидение, но шли по нему в основном новости, ненадолго прерывая передачи федерального ТВ. Жителей было от силы двадцать тысяч, судя по статистическим данным из местной газеты.

Для меня весь мир ограничивался моей комнатой и забором за окном. Папе он был выше пояса, и я из своего кресла почти ничего не видел за ним, только верхние этажи зданий неподалеку. Даже никогда не был в магазинчике, откуда отец приносил мой любимый кукурузный хлеб. И потому, конечно же, у меня не было друзей.

Когда я смотрел в окно, в миллионный раз разглядывая отделку зданий, и ждал, что мимо проедет хоть какая-то новая машина, которую я раньше не видел, желание ходить разгоралось все сильнее и сильнее.

Я не жаловался на жизнь Богу, хоть и верил в него всей душой, но как же обидно было осознавать, что я никогда не смогу стать таким, как все. Они гуляют по улицам, улыбаются, о чем-то болтают, строят планы, хотят построить свое

счастье, не догадываясь, как много уже имеют – просто ходить и говорить. Беспрепятственно и легко.

Сегодня, в принципе, как и всегда, Анита оставила меня во дворе, а сама ушла в дом, держа в руках телефон и с кем-то переписываясь. Я остался наедине с собой, шумом листвы, редко подлетающими к крыльцу воробьями и надвигающейся непогодой. Ничто не мешало закатиться в дом по широкому бетонному спуску, который отец соорудил специально для меня. Но что-то не хотелось.

Я склонился над коленями, стянул с себя носки и руками спустил ноги на траву. Делал это каждый раз, когда оставался во дворе один, в тайной надежде ощутить щекочущие травинки. Но всегда безуспешно. Я смотрел на свои худощавые ноги, обтянутые бледной кожей, и чувствовал себя уродом. Казалось, что на свете нет существа более жалкого, чем я – немой мальчишка, который не может ни писать, ни ходить. Как бы я ни старался приободриться при виде печальных глаз отца и его слабой улыбки, понимал, что все его слова поддержки пусты. Кто бы его самого поддержал – отца сына-инвалида. И кто бы знал, как мне хотелось сказать ему: «Спасибо, что ты со мной! Спасибо, что не оставил меня»! Кто бы знал, как душили меня слезы. Как я прятал свое несчастное лицо у него на плече, стараясь дышать ровно, чтобы он ничего не заметил. Я чувствовал, что он все понимает, но всегда старался казаться... нет, быть сильным. Отец поглаживал меня по голове, ничего не говоря. Переби-

рал мои рыжие, немного спутанные волосы и похлопывал по спине. Он никогда не обнимал меня крепко, словно боясь сломать. Я видел в его глазах непонятный ужас, когда он после таких объятий брал мою маленькую руку в свою ладонь – широкую, мясистую, – наверняка осознавая, что будет меня опекать до конца своих дней. Или моих.

Странно, но меня никогда не посещала мысль о самоубийстве. Я точно знал, что должен жить. Не только ради отца, но и ради себя самого. Если Бог дал мне такую жизнь, значит, приготовил что-то взамен. И каждый день я ждал этой награды.

Во мне жила мечта увидеть мир. Отец никогда не вывозил меня из дома, врачи всегда приходили сюда.

Прости, папа, но сегодня я сделаю то, от чего ты пытался меня уберечь, – выйду за пределы двора.

Глава 2

Надвигалась гроза. Мир резко потерял краски и поубавил мой энтузиазм. Я был в шортах, футболке и носках, поэтому прекрасно чувствовал, как холодный ветер проводит по рукам, как по коже бегут мурашки и вздрагивает тело.

Неслышно закрыл калитку, отдышался, сбрасывая груз «преступления» с плеч, чтобы хоть немного успокоиться.

Так вот как выглядит забор со стороны улицы – ржавый, с облезшей зеленой краской. Как смотрится мой дом – со стороны он такой маленький, – где остались тепло, книги и четыре стены комнаты, в уголок которой еще не поздно было забиться.

Ощущение было такое, будто меня обдали ледяной водой. Сердце усиленно колотилось в груди. Дыхание участилось. Я боялся, что в любую секунду из-за угла выйдет отец, уронит на землю бумажные пакеты с выпечкой и накинется с расспросами. Сильнее боялся лишь его разочарования и отношения к моему побегу сиделки Аниты. Если она заметит, что меня нет, то запрет в доме до конца дней, и я больше не увижу ничего, кроме забора и соседних домов.

Надо было уходить как можно скорее. Хотя я и знал, что по возвращении, вероятнее всего, ждут серьезные разборки, останавливаться не собирался.

Оглянулся. Дом был уже в десяти метрах от меня. Я свер-

нул за угол и отдышался не столько от того, что устал, а больше от жгучего волнения. Обернулся еще раз, ожидая увидеть нечто необычное, ради чего и затевал этот побег.

Но ничего особенного не произошло. По дорогам «плыли» все те же машины, которыми я налюбовался на годы вперед, сидя у окна; дома ничем не отличались от тех, что стоят перед моим. Даже улица и деревья не вызывали никаких эмоций. Страх быть пойманным смазал все впечатления.

Но было кое-что, что заставило сердце забиться чаще, — это люди вокруг. На улице их осталось немного. Все бежали прочь от надвигающегося дождя: в магазины, закусочные, к машинам. Мне хотелось остановить кого-то, заглянуть в его глаза, возможно, вызвав недоумение, и сказать про себя: «Вот он, представитель внешнего мира». Но это были лишь мечты.

Мимо меня проскочили несколько человек. Едва удостоив меня взглядом, они спешили отвести глаза. Это стало первым разочарованием. Я понимал, что в нашем городе не осталось места учтивости и доброте. А если они и были, то люди их прятали, дабы не показаться слабыми. И почему люди боятся быть добрыми? Такие странные.

Во мне зародилась крохотная надежда встретить кого-то из детей и подружиться. С мальчиком или девочкой — неважно! Но за свой недолгий путь вдоль разбитых дорог и грязных обочин я не встретил ни одного ровесника. Сегодня воскресенье. Наверное, все сидят по домам. И это стало вторым

разочарованием.

О чем вообще я думал? Даже если и встретил бы кого-то, они, как и взрослые, прошли бы мимо, будто нет никакого Марка, ожидающего милого взгляда, улыбки и пары теплых слов. С чего я вообще взял, что должен кому-то пригласиться? Я – калека, навечно прикованный к инвалидному креслу. Мальчишка, который даже имени своего назвать не может. Какому ребенку с таким будет интересно?

Я медленно проезжал мимо проулка между двух пятиэтажек. Краем глаза заметил потасовку возле мусорных баков. Мучительные стоны, противный мужской смех и звуки ударов, что сыпались один за другим на почти бездыханное тело.

Ужас сковал меня невидимыми цепями. Я замер. Потребовалась доля секунды, чтобы осознать последствия своего обнаружения. Внутри все кричало: «Спасайся!». Но руки не слушались, словно чужие. В этот момент я понял, что чувствует кошка, замирающая перед приближающейся машиной, несмотря на все возможности спастись.

Их было четверо. Высокие мощные громилы, почти все в поношенных спортивных костюмах, пинавшие какого-то парня. Он уже почти не двигался, лишь вздрагивал, принимая очередной удар. Один смешок прерывался другим, пока кто-то не сказал:

– Обчисти его.

Второй довольно кивнул, опустил на колени и на удив-

ление быстро скользнул ловкими руками во все карманы куртки и джинсов лежащего парня. Достал деньги, которые тут же с хрустом свернул и отдал первому громиле. Тот посчитал награбленное, заботливо положил их в карман и хлопал по нему.

– Негусто, но сойдет.

Вожак кивнул друзьям, и те дружно продолжили избивать свою жертву. Они не замечали... нет, просто игнорировали его несвязные мольбы о пощаде. И уж точно не сразу заметили, когда он прекратил реагировать на удары.

Я схватился за колеса, собираясь сбежать.

– Эй! – вскрикнул один из преступников, – а ты куда собрался?!

Я вздрогнул и оглянулся. Громилы оставили бездыханного парня и переключились на новый объект для издевательств – меня.

– Славный мальчишка... – прошептал мужчина, присвоивший себе деньги. Этот шепот я услышал отчетливо, как сладкое шипение змеи, готовящейся к броску.

Я попытался ретироваться. Катил колеса вперед так, как не делал этого ни разу в жизни. Не оглядываясь и не думая ни о чем другом, кроме как о бегстве. Страх заглушал все звуки вокруг.

Но вдруг коляска остановилась. Не по моей воле. Кресло не ехало. Даже когда услышал над собой тяжелое дыхание и учуял тяжелый запах мужского одеколона, я все еще отка-

звался верить, что меня поймали. Главварь сжимал спинку кресла жилистыми руками, на тыльной стороне правой ладони было вытатуировано «ШМИТ».

– Попался, красавчик! – победно сказал он и потащил кресло вместе со мной обратно в переулочек.

На это потребовались считанные секунды. Ожидание расправы было страшнее, чем сама расправа. Я никак не мог подготовиться к тому, что вот-вот должно было произойти. Тело тряслось, на глазах выступили слезы и, умей я говорить, начал бы молить отпустить меня и пополз бы домой.

Я кричал, но на улице не было видно людей, а если кто и слышал меня, то сам бежал подальше, ибо знал, что вмешиваться – себе дороже.

Не желая мириться со своей судьбой, я оттолкнулся от спинки кресла, подался вперед и упал. Протянутые вперед руки защитили лицо от встречи с асфальтом, но сами запылились от боли. Я до крови содрал локти, но пытался отползти от обидчиков. Преодолев всего жалкий метр, содрал еще и колени, но заметил это лишь тогда, когда предводитель «ШМИТ» схватил меня за лодыжки и потащил обратно, громко смеясь.

– Какой жалкий!

По щекам размазались слезы. Довольные лица преступников расплывались перед глазами.

Боже, за что? Что им нужно от меня? Они убьют меня как свидетеля их жестокой расправы?

Так меня протащили до самого переуллка. Подбородок и губы щипало от ссадин. Запах табака, привкус собственной крови и соленых слез, широкие улыбки, смешки и вульгарные словечки доводили до дрожи. До истерики. До животного страха. В тот момент я понял, что он может убить меня даже раньше, чем преступники. Я прекратил сопротивляться и стал отсчитывать последние секунды жизни.

Один из громил катил мое инвалидное кресло.

– Ну, – протянул их главарь, – денег у него явно нет, да и кресло это не продать – рухлядь. Толь? – На его лице заиграла ухмылка.

Так называемый Толя – густо заросший громила среднего телосложения – плюнул, подхватил мое кресло и со всей силы ударил его о стену. Потом еще раз, и еще. Лязгающий звук резал уши и не прекращался до тех пор, пока от моего любимого и единственного кресла не осталась кучка покореженного металла.

Теперь мне точно от них не сбежать.

Меня прижали к земле. Один из мужчин заломил мне руки за спину и сжал их так, что кисти онемели. Я пытался двигать пальцами, чтобы восстановить кровоток, но не чувствовал ничего, кроме покалывания.

Рядом со мной лежал парень. Кажется, он не дышал. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Черт лица я не запомнил – да и разглядывать было нечего: все было все в крови, нижняя губа раздулась, глаза заплыли, нос

разбит.

Я поднял полные слез глаза на главаря. Все плыло, но я все же разглядел некоторые его черты: мощные руки и грудь, обтянутые черной рубашкой, черные джинсы, сигарета, торчащая из широкого кривого рта, жесткая щетина, покрывшая чуть ли не все лицо и шею. И глаза. Большие, голубые.

Он опустил передо мной на колени, и в носу у меня зашипало от сигаретной вони. Мужчина смотрел на меня с презрением, как на беспомощное насекомое, которое собирался раздавить. Я старался не поддаваться страху, все еще надеясь, что меня отпустят, но от этого взгляда надежда таяла как снег под майским солнцем. Становилось понятно, что живым мне отсюда не уйти.

Он глубоко затянулся, и я увидел, как медленно тлеет табак на кончике сигареты, разгораясь ярче. Когда от сигареты остался лишь окуроч, тот вытащил его изо рта и выдохнул мне в лицо клуб смрадного дыма. Мне стало нечем дышать. Я втягивал воздух ртом и чувствовал горький привкус табака. Он стряхнул пепел мне на руку выше локтя. Кожу болезненно обожгло, и я дернулся, но хватка одного из громил лишь усилилась, и новая партия слез покатила по моим щекам.

– Ну, чего молчишь? – спросил главарь басом.

И тут мою руку прожгла нестерпимая боль. Он затушил окуроч о мою кожу. Я вырывался, пытался вжаться в асфальт, спрятаться от этой боли. Но не мог – она становилась

лишь сильнее. Я ныл недолго – в следующий миг мне в лицо прилетел удар кулака. Я тут же стих. Широко раскрытыми глазами, полными недоумения, за что можно так мучить, смотрел в прищуренные глаза главаря ШМИТ.

«Если хотите убить меня, пожалуйста, убейте быстрее!»

– Ну, чего же ты молчишь? – вновь спросил предводитель.

Я хотел спрятать лицо, но тот, кто держал мои руки, грубо потянул меня за волосы и повернул обратно к главарю.

– Что будем с ним делать? – спросил кто-то рядом.

– Он ни слова не говорит, – заметил третий.

– Может, он просто немой? – спросил четвертый.

Главарь поднялся на ноги и вытащил из кармашка зажигалку и сигарету.

– Похоже, он не умеет не только ходить, но и говорить, – наконец сказал он. Взял сигарету в губы, щелкнул зажигалкой и собрался подкурить. Но вдруг остановился. – Да, получил от жизни все. Интересно... А ноги у него что-нибудь чувствуют?

Остальная троица переглянулась. Их лица расплылись в улыбках. Главарь вновь присел рядом со мной.

– Ты ведь понимаешь, что незачем оставлять тебя в живых. Хотя... – Главарь задумался. – Раз ты не можешь говорить и даже ходить, то опасности никакой не представляешь. – Он вытащил сигарету изо рта и спрятал ее в кармане, но не убрал зажигалку. – Знаешь, мы тебя отпустим, но для начала немного разомнемся. А потом ползи себе домой.

Я наблюдал, как он вновь зажигает огонь и отводит его в сторону, куда мой взгляд не доставал. Тело бросило в жар, а спустя мгновение – в оцепенение. Но это происходило не от болезненных ощущений, а от их ожидания. Вся шайка с интересом наблюдала за моей реакцией, но я лежал неподвижно.

Я не понимал, чего все ждут. До тех пор, пока не запахло паленым. Мне жгли ногу. Осознав это, я запаниковал. Я абсолютно ничего не чувствовал, но начал вырываться так, будто мне собираются перерезать горло.

– Похоже, совсем ничего, – сказал один из них.

Я слышал, как они говорили еще что-то, но даже не пытался разобрать. На меня накатывали волны жара и озноба, кружилась голова. Я не мог понять причину. Не мог поверить в то, что происходит со мной.

Боже, неужели... Нет, мне не показалось!

Я чувствовал тепло чуть ниже колена. И это тепло постепенно разгоралось в нечто ужасное, что можно было назвать болью. Впервые в жизни я был счастлив ее почувствовать. Я часто задышал от волнения, радости и восторга. Громилы заметили резкую смену выражения моего лица.

На моих глазах блеснули слезы счастья, а губы расплывались в немного безумной улыбке. Странно, но прямо сейчас я не хотел, чтобы мне прекращали обжигать кожу. Хотел чувствовать боль вновь и вновь. Я заплакал и уперся лбом в асфальт. Оказалось, что боль не всегда приносит несчастье.

– Кажется, он что-то чувствует, – заметил кто-то в стороне.

– Ага, смотри, плачет и улыбается. Мазохист, что ли?

Им никогда этого не понять. Они умели ходить без всяких приспособлений. Я же самостоятельно лишь ползал. Они могли бегать, а я – лишь мечтать об этом.

В тот момент я был готов расцеловать черствые руки главаря банды. Если бы не он, я никогда не узнал бы о том, что способен чувствовать свое тело. Нужно лишь пробудить его. Новая надежда зародилась во мне. Надежда встать на ноги.

Но тут жжение прекратилось. Остался лишь запах паленой плоти, от которого начинало подташнивать. Мне вспомнился отрывок из фильма, который смотрела Анита. В нем парень зажарил своего друга на костре в пустыне, чтобы съесть и не умереть с голоду. После этого его мучила тошнота. Вот такое я иногда смотрел вместо мультиков.

На лицо упало несколько холодных капель. Снова начался дождь.

Главарь ШМИТ спрятал зажигалку и встал с колен.

– Уходим, – приказал он, развернулся и пошел к выходу из переулка.

– Что? Так быстро? – спросил кто-то из ШМИТ.

– Скучно возиться с немым пацаном, который даже не может встать на ноги. Ни криков, ни сопротивления. Странно это.

Тот, кто задал вопрос, лишь пожал плечами и направился

за вожаком. Прежде чем исчезнуть за углом, они подхватили парня и выбросили его в мусорный контейнер, прикрыв пакетами.

Дождь набирал силу. Город погрузился во мглу, словно сейчас было не утро, а поздний вечер. Воздух потяжелел от влаги.

Я лежал на земле и смотрел куда-то в пустоту, потом оперся на руки и стал медленно ползти к улице. Дождевая вода смешалась с кровью на асфальте и добралась до моих рук. Из-за перенесенного ужаса я чувствовал себя полностью опустошенным. Не было ни сил, ни даже желания выбирать-ся отсюда. Хотелось лежать на земле и плакать.

Инвалидность спасла мне жизнь. Жестокость головорезов дала понять, что с моими ногами еще не все потеряно. У медали есть обратная сторона.

За то время, пока лежал на земле, я успел полностью промокнуть. По дороге не проехала ни одна машина, по тротуару не прошел ни один человек.

Я вдруг ощутил щемящую тоску по дому. По отцу, своей комнатке, книжкам, по пригоревшей и пересоленной яичнице, кукурузному хлебу и свежему молоку. Моя жизнь ведь была не такой плохой, как я думал о ней час назад. Когда я снова все это увижу? И увижу ли вообще?

Во рту пересохло. Я перевернулся на спину. От разбивающихся на лице капель было немного щекотно, но приятно. Я приоткрыл рот, чтобы они попали на язык. Дождевая вода

была очень вкусной. Необычайно вкусной в тот момент.

Глаза закрылись от усталости. Сон забирал меня в свои чертоги. Прямо под открытым небом и струями дождя. Хотелось забыться в его ласковых объятиях. Я уже не помнил, что валяюсь среди мусора, а в одном из контейнеров лежит, возможно, труп.

Я задумался, за что же того парня могла постигнуть такая участь. Что же он совершил такого, что пришлось расплачиваться жизнью? Почему он так страдал в столь юном возрасте? Почему дети, толком не познавшие эту жизнь, умирают так рано? Почему некоторые из них вообще покидают эту землю еще в младенчестве? А кто-то даже до появления на свет? Почему невинные вообще умирают?

Я всегда верил, что мы получаем то, чего заслуживаем. Но чем они заслужили такое? И ведь есть на свете миллионы людей, которые отравляют жизнь другим, живут при этом в достатке и без проблем. Им-то такая участь за что?

В конце концов, за что мне досталась участь инвалида?

Я слышал шаги. Они были легкими, крадущимися. Взглядом тяжелеющих век я не смог увидеть того, кто склонился надо мной. Я провалился в темноту.

Глава 3

Когда я проснулся, передо мной сидел отец. Весь потрепанный, потный, с разодранной местами одеждой. Волосы его пропитались чем-то блестящим, и вид был как у человека, который не мылся месяц.

Мы находились в темной комнате с неплотно задернутыми шторами, в промежутке между которыми были видны вспышки молний. На тумбе горела лампа. В комнате творился настоящий хаос.

Я окончательно пришел в себя. Широко раскрыл глаза, стараясь разглядеть черты лица папы, но их не было. Я думал, что это все от плохого освещения. Он сидел неподвижно, сложив ладони на коленях. Я протянул к нему свою руку. Он не шелохнулся.

«Папа, что с тобой? Почему ты такой измученный?» – хотелось спросить мне.

Отец вздрогнул, поднял голову, придвинулся ко мне и сильно сжал мою руку.

«Папа, что ты делаешь?»

И лишь когда он придвинулся, попав под свет лампы, я разглядел, что вместо лица у него была черная воронка. Из меня рвался крик ужаса, но тогда отец спросил:

– Что страшнее для человека: смерть духовная или физическая?

Я распахнул глаза. Рядом не было ни отца, ни задернутых штор, ни лампы, ни тумбы. Это оказался лишь дурной сон. Я лежал на мягкой подушке, укрытый легким одеялом. По вискам скатывался пот, дыхание после кошмара восстанавливалось постепенно.

Я оглянулся. Комната была мне незнакома. На темном небе за потрескавшимися стеклами окон танцевала гроза, поток дождя скрывал огоньки зданий и очертания городка. Шторы раздвинуты, света нет. Кажется, в комнате кроме меня никого не было.

Я положил большую подушку к спинке кровати. Уперся локтями в матрас и стал ими отталкиваться, чтобы приподняться и сесть.

Внезапно по комнате скользнула тень. Я застыл. Не смел повернуть голову к окну, мимо которого она прошла. Почти бесшумно.

Пол закрипел, и вместе с тем мое сердце начало биться чаще. Я решился на отчаянный шаг: повернуть голову к окну и, наконец, увидеть, что там. Или кто.

Посреди комнаты стояла черная фигура. Сложно было определить, смотрела она на меня или любовалась из окна красотами внешнего мира.

– Как тебя зовут? – спросил грозный мальчишеский голос, и свет фонарика ударил мне в глаза.

Я так и застыл, упершись в кровать локтями.

– Ты что, глухой? – спросил он тверже.

Некто сделал шаг вперед. Напряжение росло. Кажется, еще чуть-чуть и он кинется на меня и приставит нож к горлу.

– Или немой? – с подозрением продолжал он.

Я кивнул, даже не смея предположить, что будет дальше.

Некто расслабленно опустил плечи и выдохнул. Лишь когда он поднял руку, я заметил, что в ней действительно блестит что-то похожее на перочинный ножик. Мальчик сложил его пополам и отправил в карман широких штанов.

– Так бы сразу и... – Он запнулся, очевидно, вспомнив, что говорить я не умею. – Ну, чего вылупился? Страшно? – В его голосе звучали задорные нотки.

Я снова закивал.

Он засмеялся. Голос немного ломающийся, но детский и приятный на слух.

– Я тебя не съем. А ходить умеешь?

Я покачал головой.

Он недолго помолчал и продолжил:

– Я понял это по сломанному инвалидному креслу – видимо, дело рук банды «ШМИТ».

Меня сковало дикое волнение: по сути, это мой первый разговор со сверстником. Этот мальчик, кем бы он ни был, – первый, кто не отвернулся от меня сразу после того, как узнал, что я не такой, как он.

Я хочу увидеть его лицо – лицо человека, которому я обязан жизнью.

Он отошел куда-то в сторону. Очевидно, к выходу. Я на-

деялся, что он назовет свое имя, включит свет и вернется, чтобы продолжить разговор, но мой спаситель только открыл дверь, из-за которой внутрь проник мягкий желтый свет, и скрылся.

Одиночество длилось недолго. Дверь снова распахнулась. Я ожидал увидеть этого мальчика вновь, но шаги принадлежали не ему. Они были короткие, но звучные, словно их владелец был в обуви на каблуках.

Долгожданный свет озарил комнату. Теперь я мог увидеть, в каком погроме все это время находился. Интерьер комнаты – привет из девяностых: по углам стояли стопки старинных толстых книг; выдавший виды паркетный пол с длинными царапинами, словно по нему что-то тащили; штукатурка на высоком потолке отслаивалась, вместо люстры – лампочка Ильича, которая изредка моргала. Кроме моей кровати из мебели не было больше ничего, за исключением кресла-качалки. Вот и вся обстановка. Только пыли не видеть – похоже, за чистотой здесь следили тщательно.

Передо мной встала невысокая девочка лет восьми с русыми волосами, собранными в пучок. Несколько тонких прядей лежали на личике, и она постоянно заправляла их за ухо. Она была в старом сарафане ниже колен поверх белой рубашки с редкими желтоватыми пятнами, которые, похоже, уже не отстирывались. У нее были большие добрые глаза, круглые щеки, нос картошкой и пухлые нежно-розовые губы. На круглом личике появилась милая улыбка, и она пред-

ставилась:

– Меня зовут София.

Ее голос напоминал звон колокольчика: громкий, чистый и мелодичный.

Она засучила рукава, словно готовилась нести какой-то тяжелый груз.

– А тебя?.. – София тут же сомкнула губы и опустила карие глаза. – Прости, я не хотела. Ты можешь написать свое имя?

Я покачал головой, и взгляд ее заметно погрузнел. Она стояла в ожидании чего-то. Черноволосый высокий мальчик худощавого телосложения, – предположительно мой ровесник, – в потрепанном пиджачке закатил в комнату инвалидное кресло и приставил его к моей кровати. Хотя одежда на нем была не первой свежести, сам он казался опрятным, с зачесанными на одну сторону волосами. У него были огромные, немного пугающие черные глаза, длинный нос, узкий лоб, густые брови и впалые щеки. Губы казались алыми на фоне бледной кожи. Ростом он отличался от моего спасителя, и я сразу догадался, что это не он.

Кресло, которое прикатил этот мальчик, старое, скрипучее, но при виде него на душе у меня потеплело.

– Хорошо, что мы не выбросили его на свалку.

– Да, Рома, – София улыбнулась, – ты как знал, что оно еще пригодится.

Рома подошел к кровати и вопросительно уставился на

меня, собираясь посадить в кресло, но явно не знал, как это лучше сделать. В итоге просто подхватил меня на руки и опустил на сиденье. София не отрывала потрясенного жалостливого взгляда от моих худощавых ног. И это меня немного ранило. Я не знал, что хуже: жалость или презрение. В обоих случаях ты понимаешь, насколько отличаешься от других.

Лишь когда меня посадили в кресло, я заметил, что был в другой одежде: вместо шорт – свободные джинсовые брюки, вместо футболки – черная кофта с какими-то надписями на английском, больше похожими на граффити. Вещи ношенные, и не один раз: одежда заштопана в некоторых местах, но со стороны это не должно быть заметным.

И тут я вспомнил о полученной от головорезов ране. Она немного побаливала под слоем бинта. Я поднял штанину и стал осматривать ногу.

– Когда вернешься домой, попроси родных, чтобы они обработали рану, – говорил Рома. – Мы дезинфицировали ее, но этого недостаточно.

София поправила постель, задвинула шторы, выключила свет, и мы вышли из комнаты. Не без помощи Ромы я передвигался по длинным узким коридорам с торчащими на полу досками, отклеивающимися обоями, стенами, покрытыми паутиной трещин, и потолочной штукатуркой, которая могла свалиться на наши головы в любую секунду.

Мы повернули налево и оказались в широком коридоре. Двери в комнаты располагались по обе его стороны, некото-

рые из них были открыты, и оттуда слышался говор.

Я вопросительно посмотрел на Софию, лицо которой было вровень с моим.

– Ничего не бойся. Мы отведем тебя к нашему главному. Он решит, что с тобой делать. Не переживай. Все будет хорошо.

Я был благодарен им за спасение, за доброту и заботу, но очень хотел домой. Уже темнело, а значит, папа дома и рвет волосы на голове, задаваясь вопросом, куда же делся его единственный сын. А если учесть, что я впервые выбрался в город сам, он мог не исключать мою смерть.

Мне вспомнился кошмар.

«Что страшнее для человека: смерть духовная или физическая?» – так он спросил.

С чего бы вдруг мне приснился этот сон?

– Пришли, – сообщил Рома и остановился.

Мы оказались перед высокой ветхой дверью, за которой слышался разговор.

– Он точно сейчас в столовой? – спросил Рома.

– Точно, – ответила София и открыла дверь.

«Боже, да что ж у них за главарь такой?» – задавался я вопросом, а сам представлял высокого бородатого дядьку с грубым голосом и почему-то в черном пиджаке. Хотя, скорее всего, думал я, это окажется какой-нибудь добрый седовласый дедок.

В столовой было не так душно, как я думал. Она была усе-

яна обычными деревянными столиками, за которыми сидело по двое-четверо детей разного возраста: от самых маленьких до подростков. Похоже, это было единственное помещение, в котором горела не одна сиротливая лампочка, а целая, пусть и старая, люстра.

Мы передвигались медленно. Рома и София давали мне время разглядеть всю столовую и убедиться, что никакой опасности здесь нет и что вокруг такие же дети. Впервые в моей жизни. И никто из них не показывал на меня пальцем. Кажется, моя мечта постепенно начала сбываться.

Безусловно, все эти ребята были беспризорными. Бездомными, никому не нужными. Люди воротят от таких носы, как от прокаженных. Показывают на них издалека пальцем и говорят своим отпрыскам: «Не подходи к ним, они заразные!».

– А вот и наш глава, – сказал Рома, остановившись возле одного из сравнительно больших столиков, за которым сидели мальчики примерно от девяти до четырнадцати лет.

Я внимательнее присмотрелся к ним. Неужели самый главный – это такой же ребенок, как и все они?

– Рад познакомиться, – сказал один из них, русоволосый парень лет четырнадцати.

Так вот он какой, глава.

– Меня зовут Сережа, – продолжил он, улыбаясь.

Сережа был довольно высок и мускулист для своих лет, что было заметно даже через свитер. Блестящие хитрые глаза смотрели исподлобья, и это не вызвало бы во мне осо-

бых эмоций, если бы не ехидная улыбка. Она заставила меня сглотнуть и ощутить жар. Он смотрел на меня, как зверь, решивший поиграться со своей жертвой, прежде чем ее слопать. Явно не тот мальчик из комнаты. В голосе нет завораживающего задора.

София заметила мой смущенный взгляд. Она наклонилась и сказала кому-то под столом:

– Ну же, вылезай уже оттуда.

Стол вздрогнул, когда кто-то снизу ударился об него головой. Сережа, как и все остальные, залился хохотом, и к нему присоединился еще один. Сердце мое вздрогнуло. Это был он.

– Сейчас-сейчас, – услышали мы из-под стола набирающий обороты смех.

Прямо передо мной постепенно – сначала ноги, затем туловище и, наконец, голова – возник невысокий мальчик. Но мальчиком его назвать было сложно. Скорее он был в том возрасте, когда мальчишка превращается в парня, да и ломающийся голос был тому лишним доказательством.

Под продолжающиеся смешки он демонстративно отряхнул свои штаны, серое пальто чуть выше колен, поправил воротник и выпрямился, глядя мне в глаза и криво улыбаясь.

– Смотрю, ты немного посвежел, – сказал он. – По крайней мере, не выглядишь таким запуганным.

Этот парень был шатеном, с зачесанной направо челкой. Лицо у него было овальной формы, губы тонкие и бледные,

нос прямой, щеки мягкие, с румянцем. Яркие голубо-синие глаза обрамляли длинные ресницы и густые брови. С такой внешностью прямая дорога в кино.

– Это и есть наш глава, – объяснил Сережа и обратился к нему: – Ну же, представься.

Мой спаситель снова улыбнулся и протянул мне ладонь для рукопожатия:

– Данил.

Я с удовольствием пожал руку.

– А его?.. – только начал Сережа, но напряженные взгляды Софии и Ромы его прервали. – Простите.

Данил сел на свободный стул и обратился ко мне:

– Ты прям-таки герой – выжил после ШМИТ и отделался в основном испугом. Но теперь ты у нас и мы ничего о тебе не знаем. Кроме того, что ты не можешь ходить и говорить...

– Данил! – прервала его София, уловив в его голосе нотки равнодушия.

– А еще, – продолжил он, – мы не знаем, сколько тебе лет и, главное, как тебя зовут.

Я сглотнул, чувствуя напряжение в его голосе. От Данила исходила аура таинственности. Она притягивала и отталкивала одновременно. И в тот момент мне больше хотелось оттолкнуться.

– Давай начнем с чистого листа, – неожиданно оптимистично сказал он. – Меня зовут Данил, мне будет тринадцать на днях. Если быть точнее, то двенадцатого октября. Сего-

дня, хочу напомнить вам, ребята, десятое. Как тебя зовут? Как нам понять, кто ты, откуда и как вернуть тебя домой? Мы бы тебя оставили, но лишние рты нам не нужны...

– Данил! – прервала его София. – Ты можешь его обидеть.

– Да, точно, – присоединился Рома, – меня бы такое расстроило.

– Я прямолинеен, ничего не могу с собой поделать. Вы ведь и сами понимаете, что будет не очень хорошо, если он останется. Место для ночлега мы ему найдем, а еду? К тому же, – Данил смотрел на меня пристально, словно думая, как сделать больнее, – он инвалид. Ничего не будет давать. Только забирать. Значит, никакой пользы нам не принесет. В то же время мы не можем его вернуть, потому что просто не знаем, куда.

Я понимал его правоту. Абсолютно во всем. Но все-таки... обидно слышать эти слова от того, кто тебя спас. Зачем же ты сделал это, если от меня только вред? В горле уже пересохло от обиды, глаза защищало от подступающих слез.

Теперь они все смотрели на меня с жалостью, наверное, думая: «Ах, какой бедненький мальчик!»

Неужели нельзя хоть раз отнестись ко мне как к обычному человеку? Ну если не дано мне с рождения то, что есть у вас, может, так и должно быть?

Но тут я вспомнил, как главарь ШМИТ издевался надо мной. Вспомнил ужас и счастье от боли, которую он мне нанес.

В моих ногах есть жизнь. Они словно бы медленно оживают – не могут двинуться, поставить меня или сделать хотя бы шаг, но оживают.

Я не перестаю получать жалостливые или презрительные взгляды, пока не стану таким, как они.

– Отведите... отвезите его обратно в комнату, – сказал главный, – завтра разберемся, что с ним делать.

Данил внимательно следил за мной взглядом из-под уставших полужакрытых глаз, словно хотел разобрать меня на крупицы и проанализировать каждую. Даже возле выхода из столовой я чувствовал, что он еще смотрит на меня. Буквально дышит мне в спину.

Глава 4

Утром за закрытой дверью я слышал нескончаемый топот ног и неразборчивый гомон.

Спалось не очень. Нет, кровать оказалась довольно удобной, несмотря на то что родом была, наверное, из 70-х или 80-х. Не спалось мне не из-за нее: я прокручивал в голове слова Данила, пока не начало светать, и лишь потом уснул. И то – из-за усталости, а не потому, что сам захотел.

Каждый раз, когда рядом слышался топот ног, мне казалось, что вот-вот кто-то ворвется в комнату и заставить встать, а мне этого так не хотелось. Тело отяжелело после вчерашних потрясений, голова толком не работала. К тому же хотелось как можно дольше оттянуть момент, когда Данил с милой ухмылочкой на лице начнет «вершить» мою судьбу.

Знать бы, который сейчас час.

Однако произошло то, чего я и боялся: к моей двери кто-то приблизился. У меня оставались считанные секунды, чтобы распрощаться с покоем и теперь официально встретить этот день.

Дверь открылась с громким скрипом. Я лежал на кровати и смотрел на зашторенное окно, когда к нему подошел Данил и распахнул гардины так грациозно, как это делают только горничные в фильмах.

– Вставай-вставай, Марк! – удивительно оптимистично обратился он ко мне.

Стоп. Марк? Но откуда?..

– Чего? – с усмешкой спросил он, когда заметил мои вытаращенные глаза. – А, ну да. Ты же не видел утреннюю газету, которую притащил Сережа.

Я зашевелился, намереваясь поскорее сесть и потянуться к инвалидному креслу.

– Ну-ну, – Данил вытянул перед собой руки, – Рома тебе с этим поможет. Ром, иди сюда!

Дальше все прошло по вчерашнему сценарию: пришли Рома с Софией и помогли мне сесть в инвалидное кресло. Рома уже встал позади, готовясь отвезти меня в столовую, когда я оглянулся на него и неодобрительно покачал головой. Тот удивленно уставился на меня, а Данил напряженно протянул:

– Та-а-ак, и что у нас тут такое?

Я обвил руками колеса инвалидного кресла и оттолкнулся вперед, направляясь к выходу. Данил лишь хмыкнул, и все они направились вслед за мной. С непривычки и из-за боли в руках я катил колеса медленно и слышал позади что-то похожее на обреченный вздох. Он явно принадлежал Данилу. Наверное, тогда они все думали: «Тоже мне, самостоятельный!»

Но я не хотел зависеть от их помощи. Довольно. Я был благодарен им за все, но чем больше они мне помогали, тем

больше я убеждался в своей беспомощности.

Когда мы оказались в широком коридоре, Данил вышел вперед и встал возле дверей столовой. Он чего-то ждал и бросал на Рому и Софию напряженные взгляды.

Тогда я понял, чего он от меня хотел: чтобы я открыл дверь. Проявил свою самостоятельность именно здесь. И, судя по выражению лица, делал он это не из светлых намерений. Ему просто хотелось надо мной поиздеваться.

Наши взгляды встретились. Я попытался донести до него: «Этого я сделать не смогу».

«Я знаю», – взглядом отвечал он.

В итоге Данил открыл дверь и пропустил меня вперед. Честное слово, я бы не зашел первым, но наш поход в столовую затягивался.

Внутри было не так много детей и подростков, как вчера. Похоже, все уже успели позавтракать и разошлись по своим делам. Кстати, чем же они занимаются? Никто так и не просветил меня насчет этого.

Мы направились к вчерашнему большому столу, на котором уже стояла еда, и лишь при виде нее я вспомнил, что не ел почти сутки. Здесь были чай, горячий омлет и бутерброды, наверное, с самым дешевым в мире сыром – он был абсолютно безвкусный и по виду напоминал пластик.

София села рядом с Ромой, меня же пристроили рядом с Данилом, чтобы ему было удобнее объяснять мне ситуацию.

Я старался приглушить пробудившееся чувство голода,

но запах, исходящий от теплого омлета, не давал покоя, и я непроизвольно сглотнул. Так громко, что, кажется, все это слышали.

– Давайте сначала поедим, а потом поговорим, – с нежностью сказала София, заметившая мое смятение.

Все ели быстро и не отвлекались. Стол для меня был слишком высок, и пришлось положить тарелку с бутербродом на колени.

– Ну, – сказал Данил, сделав последний глоток чая, – а теперь к делу.

Он потянулся к карману своего поношенного пальто и вытащил оттуда свернутую газету. Я с трепетом наблюдал за тем, как он ее разворачивает и листает в поисках статьи.

– А, вот, – наконец сказал он, кладя раскрытую газету на стол. – Читать ты хоть умеешь?

Я кивнул. Уже протянул руки, чтобы взять газету, когда вмешался Рома:

– Прочти вслух, нам с Софией тоже интересно.

– Ладно. – Данил откашлялся и с тоном оратора зачитал: – «Пропал мальчик. Возраст: тринадцать лет. Цвет волос: рыжий. Цвет глаз: голубой. Был в инвалидном кресле, не может говорить. Просьба тем, кто обладает хоть какой-то информацией, обращаться по указанному ниже телефону либо приходить по адресу...»

Даже в газете написали, что я инвалид. Я понимал, что это моя неотъемлемая часть, особая примета, по которой меня

легко можно найти, и так далее, но все-таки.

– Тогда отвезем его прямо сейчас? – спросила София, оглядываясь на меня и Данила.

– Я не дочитал, – сказал он. – «Нашедших его ждет денежное вознаграждение». – Данил поднял на всех жадный взгляд. – Денежное, понимаете?

– Деньги? – Глаза Софии загорелись от этого слова. Она не выглядела жадной и наглой девочкой, но когда ты беден, ходишь в обносках и детство твое не украшено даже простой игрой в куклы, ты цепляешься за любую возможность исправить это.

– Я позвоню ему сейчас же, – не унимался Данил.

Он явно был падок на деньги, и от этого мне сделалось дурно. Я чувствовал себя вещью, которую собираются перепродать. Но я ведь не вещь! Я человек. Немного отличающийся от других, но человек. Если я не хожу и не говорю, это не значит, что ничего не чувствую и ничего не думаю! И это не значит, что я позволю обращаться с собой как с вещью.

Я собрал все силы и схватил газету со стола прежде, чем Данил успел набрать номер на своем телефоне. София то ли от восхищения, то ли от испуга вздохнула и посмотрела на меня, как на сверхчеловека. Рома отреагировал так же.

– Не понял, – Данил вскинул бровь и сделал кислую мину, – это что сейчас было? Дерзить решил или что?

Но я сильнее сжал газету в руках, боясь лишь смять место адреса настолько, что потом будет не разобрать.

– Отдай, – грозно сказал Данил и протянул руку.

Я откатился назад, уже понимая, что ничем хорошим это не закончится.

– Ах, вот, значит, как, – нарастала угроза в голосе Данила.

– Даня, пожалуйста... – начал Рома.

– Молчи! – Данил бросил на него испепеляющий взгляд.

Я медленно откатывался назад, и столь же медленно ко мне приближался Данил.

– Я, значит, спас тебя, принес сюда, подлечил твои раны, одолжил свою одежду, а ты!..

– Данил! – София встала между нами и развела руки в стороны. – Ты говорил о денежном вознаграждении прямо при Марке. Это обидно.

– Что? – Данил был искренне удивлен.

– София права, – присоединился Рома, – ты говорил так, словно Марк не человек, а потерявшийся велосипед, который нужно вернуть хозяину.

Я ослабил хватку. Слова ребят настолько растрогали меня, что на глаза навернулись слезы. Они поняли меня без слов.

– Ну ладно, – сдался Данил, покачиваясь на пятках, – я, наверное, был неправ. А теперь отдавай газету, если хочешь вернуться домой.

Я протянул ему помятую газету, и он вырвал ее из моих рук, затем снова раскрыл в нужном месте и сказал:

– Я знаю, где эта улица. Отведу его домой. Начинайте про-

щаться. — Он облокотился о спинку моего кресла. Кисть руки оказалась возле моего лица, и я заметил на запястье серебряные часы с потрескавшимся стеклом.

Прощание длилось недолго. Все-таки мы знали друг друга всего пару дней — слишком мало, чтобы разводить сопли и говорить какие-то трогательные слова. Рома просто улыбнулся и помахал рукой, а София еще долго смотрела вслед нам с Данилом, когда мы уже отдалялись от заброшенного здания.

Как оказалось, пристанище бездомных детей находилось на окраине города. Жилых домов здесь было мало, людей тоже. Идеальное место для укрытия преступных группировок. И почему эти дети выбрали именно такое место?

Мы вышли на широкую главную улицу — видимо, потому что она была полностью заасфальтирована, в отличие от других. Некоторые прохожие оглядывались на нас, явно узнав во мне мальчика из местной газеты. Перешептывались. Наверное, прикидывали, сколько отец заплатит Данилу за меня.

Наверняка ничего достойного папа дать не сможет. Жили мы небогато. Почти все деньги уходили на зарплату Аниты. Интересно, почему нельзя было найти сиделку дешевле?

Если подумать, отец никогда не рассказывал, откуда берет средства. Они просто появлялись. Да, он уходил рано утром, приходил поздно вечером, значит, работал и зарабатывал деньги. Но почему, как бы мы ни были близки, он всегда избегал этой темы? Может, он стесняется своей работы?

В какой-то момент я решил, что папа работает в пекарне, потому что от него иногда пахло свежее испеченным кукурузным хлебом.

Данил всю дорогу хранил молчание. Мне было немного некомфортно рядом с ним, потому что я до сих пор не понимал его отношения ко мне.

Мы свернули за угол.

Знакомые дома, за которыми я столько лет наблюдал, запоминая их вид до мельчайших деталей. А вот и тот самый забор – забор моего двора.

Неужели я дома?

Прошел ровно день, а ощущение, что целая вечность. И как же радостно было находиться рядом с калиткой и с трепетом ждать, когда она отворится. Я снова окажусь в своем любимом дворе, в котором еще вчера сидел с опущенными на траву босыми ногами в надежде, что смогу что-то ощутить.

От радости и сумасшедшего ожидания я даже позабыл обо всех странностях, что происходили между мной и Данилом.

Но он, кажется, катил кресло все медленнее и медленнее. Зачем-то оттягивал до невозможности тот момент, когда мы окажемся у самой калитки, чтобы позвонить в звонок. Что бы он там ни задумывал, это произошло.

Сердце вырывалось из груди от волнения. Входная дверь открылась, и я услышал знакомое шарканье тапочек, по которому уже успел соскучиться. Данил, увидевший, что про-

исходит за забором, отшатнулся. Глаза его расширились, он едва заметно приоткрыл рот в намерении что-то сказать и даже, как мне показалось, дернулся в сторону, будто собираясь сбежать.

Шарканье ног резко оборвалось.

– Ты? – услышал я изумленный голос отца. – Что ты здесь делаешь?

Данил немного помолчал. Прищурился и мрачно ответил:

– Кажется, вы кого-то потеряли?

Недолгая пауза прервалась новой чередой шагов за забором, на этот раз быстрых. Замок калитки щелкнул, и передо мной предстал изумленный напуганный папа, который широко раскрытыми глазами смотрел на меня сверху вниз и, кажется, не верил своему счастью.

– Марк! – воскликнул он с нежностью в голосе и набросился на меня с объятиями. – Как же я рад, что ты жив!

Чувствуя, как отец дрожит, крепко сжимая меня в объятиях, я невольно подумал, каким эгоистом был, когда сбежал. Я и представить не мог, что меня ждет, едва не погиб и, если бы не объявление, еще нескоро смог бы вернуться домой. Сбежал, даже не подумав об отце, о том, какие страшные, сводящие с ума мысли могут поселиться в голове отца. В мире за пределами дома за каждым углом могла поджидать опасность. Тем более одинокого ребенка. Тем более инвалида.

Да, в душе я все же знал, что ко мне нельзя относиться так

же, как к здоровым людям. Однако банде, избившей меня, это не помешало. От досады и дикого желания быть как все я прятал эту мысль куда-то глубоко, надеясь избавиться от нее совсем.

– Где ты его нашел? – спросил отец, едва найдя силы, чтобы оторваться от меня.

Я пристально посмотрел на Данила, пытаюсь мысленно внушить ему: «Пожалуйста, не рассказывай о ШМИТ. Ни о чем не рассказывай!»

Но Данил мысль явно не уловил и выпалил:

– На него напали, едва не убили, ногу подпалили, но я нашел его покалеченным возле мусорных баков, принес к себе, и вот, сегодня утром увидел объявление в газете и решил вернуть его домой.

Спасибо, Данил. Спасибо тебе огромное.

Я вздрогнул, когда папа впился в меня своим взглядом, который я называл «глаза навывкате от волнения и бешенства». В принципе, так это на самом деле и выглядело. В какой-то миг я даже обрадовался, что не умею говорить, а потому не смогу поведать папе обо всех ужасах, которые перенес. И, конечно же, не смогу рассказать о той счастливой боли, которую причинил мне тот преступник, хотя след от нее все же остался.

– Ты спас моего сына, – обратился папа к Данилу. – Что я могу для тебя сделать? Проси что хочешь. Я сделаю все, что в моих силах.

Данил молчал. Посмотрел сначала на папу, затем на меня. Наверняка прикидывал, какую цену потребовать за мое спасение.

– Ладно, – сказал папа, – сколько?

– Нисколько.

Я уставился на Данила как на птеродактиля, внезапно вылетевшего из-за угла в XXI веке.

– Я не понял... – Отец разделял мое удивление.

– Ни-сколь-ко, – надменно, по слогам повторил Данил.

Казалось, отца обуревало то же непонимание, что и меня, но на его лице было непривычное злобное напряжение.

– Марк, иди в дом, – приказал он мне, шире раскрывая калитку и пропуская внутрь.

Теперь я был в еще большем замешательстве. Противиться не стал, бросил последний взгляд на Данила и отправился в дом, гадая, откуда же они с папой знают друг друга.

Я не уверен, но мне показалось, что, прежде чем отец с лязгом закрыл калитку, прозвучало его: «Что ты задумал?»

Глава 5

Аниту, к моему горю, не уволили. На следующее утро она пришла к нам в дом, распространяя вокруг аромат своих дурацких духов с ароматом ванили. Вырядилась так, словно вышла из чистилища: в длинную белую юбку, белую майку и беленький пиджачок выше талии. Она грациозно бросила сумочку, – угадайте, какого цвета? – на кресло в прихожей и начала снимать с обувь на высоком тонком каблуке.

Она никогда так не наряжалась. Наверное, хочет исправить позавчерашнее недоразумение, приняв вид ангелочка и натянув какую-нибудь притворную улыбочку, как обычно.

– Здравствуйте, Сильвестр!

– Здравствуй, Анита.

Когда она сняла обувь, я невольно решил, что Анита собирается наброситься на моего папу и расцеловать его до полусмерти, ибо то, с каким воодушевлением она подходила к нему, не могло не смущать. Наконец она удосужилась посмотреть и на меня.

– Здравствуй, Марк! – Могло показаться, что она проявляет ко мне искреннюю доброжелательность, но я слишком хорошо ее знал: она притворялась из последних сил.

Я лишь качнул головой. С достаточно очевидным нежеланием, чтобы дать понять: я не хочу ее видеть. За тот день, проведенный без ее опеки, я был по-настоящему свободен –

в опасности, но свободен – и как же не хотелось возвращаться к этому заточению вновь!

Я сжал рукав пиджака папы, подавая ему сигнал. Заметив это, сиделка Анита притворно захохотала и пролепетала:

– Я принесла тебе пирожное, Марк!

Да подавись ты своим пирожным.

Я прекрасно понимал, что еще немного – и она лопнет от притворной доброты. Было очевидно, как ей не хочется оставаться со мной. Только дайте отцу за порог выйти и закрыть дверь на все замки, и начнется шоу.

– Ладно, Марк, – отец опустил на колени и взял меня за плечи, – тогда ты плохо себя повел, воспользовавшись тем, что Аните стало дурно и она ненадолго ушла в дом...

Стало плохо? Серьезно?! Стало плохо от чего? От переизбытка самовлюбленности? Может, у нее голова заболела от осознания собственной красоты? Или ее рвало эгоизмом? Если так, то от унитаза она не смогла бы отлипнуть как минимум неделю!

– Поэтому, – продолжил отец, – води себя хорошо.

Мне оставалось лишь смириться с этой ложью. Проглотить обиду и злость на Аниту и набрать в рот новые. Я надеялся, что когда-нибудь она поплатится за свою наглость, а я получу награду за то, что терпел ее все эти годы.

– Вечером тебя ждет сюрприз, – сказал отец, когда уже выходил из дома, – уверен, он тебе понравится.

Сюрприз! Когда он так говорил, это могло быть что угод-

но, начиная от каких-нибудь наклейки и заканчивая книгами. Да, новая книга мне не мешает.

— Анита, — обратился он к сиделке, — я продезинфицировал рану на его ноге, как только он проснулся, но после обеда повтори. И о бинтах не забудь.

Та кивнула, но как только отец отвернулся, недовольно скривилась и закатила глаза.

Папа уже собирался выходить, но неожиданно, словно что-то вспомнив, остановился, опустил передо мной на колени и заговорил шепотом:

— Сынок, иногда мне так больно осознавать, что ты в чем-то нуждаешься, хочешь что-то сказать, но не можешь. Особенно когда смотришь на меня, будто хочешь что-то донести. Думаю, в ближайшее время это закончится навсегда. Нас уже никогда не смогут разделить какие-либо преграды. И ты станешь таким, как все... Нет, Марк. Ты такой же, как все. Даже лучше, потому что твое сердце чистое и непорочное, потому что ты не видел и никогда не испытывал того, через что обычно проходят дети твоего возраста. Во всем есть плюсы, Марк. И во всем есть минусы. Когда все это закончится... мы с тобой будем по-настоящему счастливы.

«Боже, папа, папочка, о чем ты говоришь? Что должно закончиться, а что должно начаться?»

Но он ничего не объяснил. Развернулся и ушел на работу. На удивление, Анита не стала закатывать истерику, огрызаться и все в этом роде. Нет, она, как и всегда, закатила ме-

ня в комнату и почти сразу принесла то самое пирожное. К моему несчастью, это пирожное я любил – «Панчо». Но принимать любимое лакомство от человека, которого ненавидел больше всего, мне не хотелось.

– Чего? – напряженно спросила сиделка, заметив мое недовольное лицо. – Тебе что-то не нравится? Ешь давай. Эти пирожные становятся все дороже и дороже.

Она громко захлопнула дверь в мою комнату и отправилась на кухню.

Пирожное она оставила на моем столе, и я решил как можно дольше удерживаться от соблазна схватить ложечку и умять его в два счета. Но прошло всего десять минут.

Нет, я должен держаться... Но оно такое вкусное, а я очень давно его не ел... Это еда моего врага, я не могу ее... Хочу-у-у-у!

Да, соблазн взял вверх, и уже спустя секунду я с огромным удовольствием уминал пирожное. Уж очень его любил, и одной порции мне никогда не хватало.

После короткого завтрака я приступил к своим обычным делам, то есть к никаким. Читать книги не хотелось, рисовать каракули, которыми и так уже были облеплены мои стены, – тоже. Может, включить мультики? Но я уже все по сто раз пересмотрел.

Из головы все не выходил вчерашний разговор папы и Данила, который мне так и не удалось услышать. В один день произошло слишком много потрясений, и после тринадца-

ти лет скучной жизни я физически и психологически не был готов к такому. Слишком много вопросов – и слишком мало ответов. А источникам моих ответов очень удобно: спросить я ничего не смогу, поэтому правду скрыть легче.

Интересно, о каком сюрпризе говорил папа?

– Марк!

Я мгновенно определил владельца этого голоса и подъехал к окну. Стоя за забором, на меня смотрел добродушно улыбающийся Данил. Я неуверенно поднял руку и помахал ему.

– Ну как? Отец тебя не убил? – со смешком спросил он.

Я покачал головой. Это действительно был Данил. Тот же мальчишка с обворожительным голосом, кривой улыбочкой и прищуром.

– Ты ничего не хотел бы... – начал он, – вспомнить?

Точно, сегодня ведь его день рождения. Мой день рождения одиннадцатого июля, а у него двенадцатого октября.

Я быстро закивал, как бы говоря: «Да, я вспомнил!»

– Хорошо, – кивнул Данил. – Скучно тебе здесь живется?

Я снова закивал. Наверное, лицо мое выглядело глупо, потому что парень усмехнулся.

– Да уж. Тогда я буду рассказывать дурацкие истории, чтобы отчасти разогнать твою смертную скуку.

Я ожидал, что он зайдет во двор, в мою комнату, окинет ее оценивающим взглядом, прокомментирует все мои настенные «шедевры», потом сядет на небольшой диванчик и нач-

нет свой рассказ. Но он начал прямо стоя за забором.

— В общем, я считаюсь в нашей «общине» самым экономным, и все покупки всегда совершаю я. Так, на четыреста рублей могу закупить целый пакет вкусной еды. Однажды я потерял половину из них. Только представь, целых две сотни! Просто вывалилась из кармана и все, с концами, днем с огнем не сыщешь. Пришлось немного взять, скажем так, в долг... Ну, как немного... На все эти четыреста рублей и взял, но для отвлечения внимания купил сто грамм конфет на пятьдесят рублей. Шел домой и на дороге в куче снега нашел целую тысячу. Наверное, мне в жизни так не везло, как тогда!

Он рассказывал это с таким энтузиазмом, что я, сам того не замечая, стал улыбаться. Было приятно, что кто-то со мной беседует. И я вовсе не осуждал Данила за кражу. Бездомные беспризорные дети подворовывают, чтобы выжить. Это реалии жизни. Будь я на их месте, поступал бы так же.

Он сказал, что нашел деньги в сугробе. То есть зимой этого года, предположительно в январе. В декабре прошлого года снега не было, а в феврале он быстро таял. Выходит, он ведет такую жизнь уже достаточно давно. Интересно, с каких пор? Данил был не из тех парней, которые даже с близкими друзьями, если он кого-то таковым считал, станут делиться своими секретами.

Он хочет похоронить свою старую жизнь глубоко в подсознании так же, как я хочу похоронить мысли о том, что

сильно отличаюсь от остальных.

От мысли, что мы чем-то с Данилом похожи, сделалось как-то тепло на душе. Я не чувствовал себя одиноким. Ощущал, что не один веду борьбу с тем, чего никогда не одолею, — с реальностью. Эта борьба была бессмысленной, но мы не думали ее прекращать.

— Так-с, — задумчиво протянул Данил, — а вот еще какой случай: как-то раз мне приходилось убегать от своры голодных собак. Если тебе интересно, почему я ночью влез не в то место...

«Опять что-то украсть хотел, ха-ха».

— ...а сзади еще хозяин бежит с палкой и кричит: «Тебя, сукин сын, мама не учила, что красть — нехорошо?!». А я такой: «Когда я с мамой жил, ей не приходилось учить меня этому».

Данил залился хохотом. Я знал, что он делает это через силу.

Потом Данил принялся рассказывать новую историю, затем еще одну, и еще. Я не понимал, зачем он это делает. Что интересного в том, чтобы говорить в пустоту? Почему бы ему не заняться чем-то более полезным: отправиться на поиски еды или еще что? Почему он тратит время на то, чтобы стоять здесь, за забором, и рассказывать истории, которые когда-нибудь все-таки закончатся? И что же он тогда расскажет? Ничего. И что же он тогда сделает? Не придет. И что из этого получится? Мое разбитое сердце, в котором завянет

надежда быть понятым, не успев даже расцвести.

– Знаешь, Марк, – сказал он прежде, чем попрощаться и уйти, – наша жизнь – это одна большая история, состоящая из миллионов сюжетных линий. Каждый день, каждый час мы создаем новые сюжетные линии, а старые забываем. Но есть такие, которые забыть нельзя, потому что они слишком сильно повлияли на всю историю в целом. Иногда так хочется, чтобы воспоминания были файлом – взял и удалил, какие хочешь. Но тогда жить стало бы слишком просто. Люди уже не могут представить жизнь без проблем. Они не верят, когда происходит череда удачных случаев, и думают, что потом им придется горько расплатиться за это. Я верю, что моя история будет длинной и насыщенной. Я просто очень хочу жить. А ты?

Я опустил взгляд. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, глядя ему в глаза. Даже мысленно. Я боялся, что если сейчас подниму взгляд на то место, где стоит Данил, его там не окажется, и тогда я накручу себе, что он счел меня скучным и даже не попрощался, прежде чем уйти.

Но он все еще стоял там и ждал ответа.

Я кивнул, говоря: «Я тоже». Достаточно убедительно. Но Данил не улыбнулся мне в ответ. Значит, не поверил.

– Я приду завтра. Пока.

И он ушел, оставив меня одного. Пришел, заполнил недостающую часть моей души под названием «общение», и ушел, вновь обнажив зияющую дыру.

Мне совсем не хотелось, чтобы он уходил, но я знал, что так надо, ведь без этого не создадутся новые сюжетные линии, о которых он потом сможет мне поведать. И все равно не хотел. Пусть эти сюжетные линии создаются вместе с моими. Пусть создаются со мной!

Весь оставшийся день я провел будто в трансе.

Кажется, я легко впускаю людей в свою жизнь и слишком болезненно отпускаю. Странно, но я понял это за короткое время общения с этим парнем. Когда одинокий человек получает долгожданную руку помощи, а потом ненадолго теряет ее, чувство одиночества становится еще невыносимее.

Вечером пришел папа, но даже его возвращение не смогло скрасить моего одиночества. Правда, то, что происходило после ухода сиделки, все же подняло мне настроение.

– Держи, сынок, – сказал он, вручая мне маленькую коробочку, – это мой тебе подарок.

Сначала я не поверил своим глазам, но когда раскрыл коробочку и увидел содержимое... Счастьем моему не было предела.

Телефон. Сенсорный, небольшой, как раз под мою ладонь.

На моих глазах блеснули слезы, и отец заботливо произнес:

– Ну-ну, Марк. Все хорошо.

Он обнял меня, и я долго не мог прервать это объятие. Из кармана его пиджака выглядывал старый кнопочный телефон, которым он пользовался столько, сколько я себя пом-

ню.

– Это для того, чтобы мы с тобой могли общаться. Конечно, потребуется время, чтобы ты его освоил, но ничего, я тебя научу.

Мы устроились в гостиной, и весь вечер отец рассказывал мне о каждой функции моего первого телефона. На столике стояли чашки чая и тарелки с печеньем и конфетами впере-мешку. Люстра неярко светила, за окном изредка проезжали машины, на секунду озаряя светом шторы. Скрипело папино кресло, я сидел рядом с ним под боком, а он, наклонившись, терпеливо все мне объяснял, улыбался и вдыхал полной грудью запах печали, которым пропитался в этом доме каждый предмет. На стенах висели фотографии отца с друзьями, и я изредка бросал на них взгляд, восхищаясь тем, как он был красив в молодости, да и сейчас остался. Мы с ним были очень похожи, за исключением цвета глаз. Его я унаследовал от мамы, с которой ни в одном альбоме не хранилось ни одной фотографии. Там были мы с отцом, счастливые, веселые. Все-таки у меня хорошая жизнь.

Я обожал подобные вечера. Тогда я мог лучше узнать отца, хотя, сколько бы времени с ним ни проводил, он всегда оставался для меня загадкой. Раскрыт, как книга, но прочесть в ней можно далеко не все.

Я решил поведать папе о боли, которую мне причинили те преступники.

«Когда мне прижгли ногу, было больно. Это же не хоро-

шо?»

Я думал, что папа обрадуется, но он повел себя странно: отдал мне обратно телефон и схватился за лоб, будто пытался определить свою температуру.

– Ты боялся в тот момент? – спросил он глухим, немного обреченным голосом.

«Да, было очень страшно».

Возможно, мне показалось, но на лице папы на секунду появилась пугающая улыбка.

– Ничего страшного, Марк. Все уже позади. Раз с телефоном закончили, давай я тебе почитаю. – Он взял со стола книжку и стал читать ее вслух.

После изучения телефона я отправился смотреть телевизор, чтобы убить последние десять-пятнадцать минут бодрствования и отправиться спать.

– Кстати говоря, – заявил ведущий аналитической передачи, – Василий Семенович, что вы можете сказать о побеге ШМИТ?

– Ну, – начал гость, – в данный момент полиция занимается их поисками, но пока безрезультатно.

– Как сквозь землю провалились, да? – заметил ведущий. – А вы не думаете, что они уже могут быть в другой стране?

– Исключено. Мы разослали их фото во все аэропорты и вокзалы. Их лица знают все сотрудники полиции. Им не сбежать. Рано или поздно их найдут.

– Лучше рано, чем поздно. Лучше прямо сейчас, так как эта банда, которую мы видим сейчас на экране, отличается особой жестокостью.

А на экране тем временем мелькали зацензуренные и размытые фото их растерзанных жертв. Среди них встречались дети.

Тогда я понял, насколько мне повезло. Я мог оказаться на их месте. Меня могло не стать чуть больше недели назад, однако я сижу сейчас дома и пью сок.

– ...я даже не знаю, – продолжил ведущий, – есть ли у них жертвы, оставшиеся в живых.

– Есть, – важно ответил какой-то лысый дядя, – несколько. Они сейчас находятся на психиатрическом лечении, одна из них осталась инвалидом.

Тут зашел отец. Едва взглянув на экран телевизора, он схватил со стола пульт и переключил на музыкальную передачу.

– Ох, что за ужасы показывают. Тебе такое нельзя смотреть после пережитого.

«Я это испытал».

Да, рассказать о том, что на меня напали именно ШМИТ, я не решился. Лишние волнения отцу ни к чему.

Выходит, вся полиция страны недоумевает, где они сейчас.

Я осознавал, что необходимо заявить в полицию, но страх брал верх. Мне казалось, что они следят за мной с зажигал-

кой в руке. Ждут, когда я решу пролить свет на их преступления, чтобы спалить наш дом вместе со мной.

Тогда я понял, какую опасность представляю для своего отца, но радость от приобретенного телефона затмила этот страх. Я был настолько счастлив, что позабыл обо всех проблемах и вопросах, что мучили меня. Например, откуда Данил знает папу? И что имел в виду отец, когда говорил, что скоро что-то закончится и что-то начнется?

Глава 6

Еще никогда я не чувствовал себя таким счастливым, как после покупки телефона. Теперь раскрывались возможности, о которых прежде приходилось только мечтать: я мог, пусть и не вслух, но вести разговор с отцом – с помощью СМС, общаться с Данилом. А сиделка Анита поумерила свой пыл, поняв, что может лишиться работы, если правда о ее ужасном поведении вскроется.

Помню радостный огонек в глазах Данила, когда я помахал ему телефоном, так и говоря: «Смотри, теперь мы сможем общаться!»

– Ого! Здорово!

Оставалась лишь одна проблема: как я узнаю его номер телефона, а он – мой.

Пока я был в раздумьях, Данил исчез за забором, но, как оказалось, не ушел, а просто опустился. Что он там делает?

Ждать долго не пришлось. Спустя минуту он вновь выглянул из-за забора и радостно крикнул:

– Выйди из комнаты!

Странное предложение, но тогда я и догадаться не мог, что же он задумал. Вышел из комнаты, закрыл дверь, и... что-то со звоном разлетелось на кусочки. Я медленно открыл дверь. Рядом со столом валялись осколки разбитой вазы и ее целое дно, а вода расплескалась вокруг и постепенно впи-

тывалась в ковер. Мне было жалко только цветы. Не успели они простоять неделю, как уже пережили нападение камня, лежавшего рядом с ними. «Виновник» был обернут в целлофановый пакет, внутри находился обрывок бумаги с номером Данила.

Я подкатил к окну. Улыбался так, что в какой-то момент щеки заныли. Сжимал в руках клочок бумажки и поднял его над головой, показывая Данилу, что «посылка» получена. Он кивнул.

Я сохранил его номер телефона. Не желая терять ни минуты, отправил ему сообщение. Это стало началом нашего первого разговора:

«спасибо, но ты мог просто продиктовать номер»

«Мне такое в голову не пришло» – и Данил прислал в ответ кучу смеющихся смайликов.

Тогда я решился перейти на новую ступень в нашем общении:

«может зайдешь?»

«А можно?»

«конечно»

Я ответил сухо, но сам хотел кричать, визжать, метаться из одного угла в другой, махать руками.

Он придет сюда! Как я выгляжу? Сиреневая водолазка и черные штаны. Нормально, пойдет. В комнате тоже вроде порядок, за исключением той немного кривой стопки рисунков. Нигде нет пыли?

Несмотря на хаос, творившийся в голове, со стороны я выглядел спокойно. По крайней мере, так мне казалось.

Данил подошел к калитке и дернул за ручку. Заперта. Он выглянул из-за забора и показал руками крест. Я кивнул и направился к Аните.

– Алло? Алло! Света, слышишь? – голосила она на кухне, помешивая какую-то бежевую жижу в стеклянной глубокой тарелке. – Блин, связь ужасная.

Она заметила меня в дверях и окинула таким презрительным взглядом, что желание просить ее помочь улетучилось. Я мог бы сделать это и сам, но потребуется время, а ей ничего не стоит добежать.

– Что? – спросила она, откладывая телефон и продолжая помешивать нечто похожее на жидкое тесто. Что-то будет печь. Или сжигать, что более вероятно. – В туалет?

Я качал головой, указывая на дверь.

– Что? Что там?

«А ты выгляни, потрудись немного».

– Вот, блин, твой отец не мог там научить тебя каким-нибудь жестам, что ли? Немые ведь так общаются. Жизнь и себе, и мне упростил бы.

Можно подумать, ты выучила бы язык жестов ради меня.

С другой стороны, Анита была права. Отец еще давно пробовал обучить меня языку жестов, но потом неожиданно бросил это дело. С тех пор прошло столько времени, что я почти ничего не помнил.

Анита выглянула из кухни во двор и увидела Данила.

– А это еще кто? – Она перестала мешать тесто, вытерла руки о полотенце, бросила его на пол, не глядя, и, шаркая тапочками, поплелась к выходу.

Я поспешил за ней и наблюдал с крыльца.

– Здравствуйте! – довольно дружелюбно поприветствовал ее Данил. Рядом с сиделкой Анитой он казался коротышкой.

– Здрасьте. Ты к Марку?

– Да, можно?

– Можно.

Я все не мог прекратить ерзать на месте, пока Данил не вошел в дом. От него веяло холодом и чем-то сырым. Он разулся, поставив свои старые ботинки в угол, снял тонкую курточку и посмотрел на меня. Взъерошенные волосы кудрявились, щеки горели, глаза улыбались. На нем были синяя вязаная кофта и свободные джинсы.

Я так разволновался из-за его неожиданного появления, что смог бы пробыть в таком положении целый час – просто глядя на нового друга. Хотелось обнять его и удостовериться, что это действительно он. Из плоти и крови. Все-таки это мой первый гость.

– Ну, – он развел руки, – показывай, что к чему.

И мы направились в мою комнату. Данил оглядывался по сторонам, оценивая каждую мелочь. Он задержал взгляд на кухне, из которой доносился аромат жареного теста.

Мы прошли в комнату.

– Вау! – Данил хлопнул в ладоши. – Так ты рисуешь?

Восхищение в его голосе вызвало во мне смущение. Он останавливался возле каждого рисунка и разглядывал его, сощулив глаза, будто выискивал какие-то изъяны и хотел по-критиковать.

– Сдается мне, – важно говорил он, улыбаясь и поднося руку к подбородку, – у тебя явный талант. Да, есть парочка недочетов в пропорциях животных и людей, но для тринадцати лет прекрасно. Мне ведь уже четырнадцать, а я только палочки рисовать умею. А ты вот даже раскрашиваешь хорошо: и мелками, и карандашами, даже краски вижу.

Он одобрительно кивал, пока не развернулся ко мне и не заметил книжный шкаф.

– Ого, – проговорил он, раскрывая дверцы. Стекла в них затряслись. Данил взял сразу несколько книг. – Такие гладкие и новые, не порванные даже, – не прекращал он восхищаться. – У меня дома только древние и скучные взрослые книжки классиков, а здесь о подростках.

Он раскрыл «Одда и Ледяных великанов».

– И иллюстрации есть. Круто!

Я видел, что ему не хотелось прощаться с этими книгами, видел, как он нехотя возвращал томики на полку. Когда все они стояли в ряд, я подкатил к шкафу, вытащил «Одда...» и протянул ему.

Казалось, и без того большие глаза Данила стали еще шире и оттого красивее. Он в изумлении захлопал длинными

пышными ресницами.

– Это мне?

Я скромно кивнул, гордясь собой. Одно дело, когда даришь что-то папе, и совсем другое – первому другу. Уже лучшему другу. Несмотря на изначальные сложности в нашем общении, сейчас я чувствовал себя рядом с ним свободно. Я был счастлив и так радовался тому, что могу сделать кому-то приятное и это оценят.

– Спасибо! – Данил прижал книгу к себе. – София с Ромой тоже обрадуются. Мы как-то пытались на одну книжку накопить, но она такая дорогая, почти шестьсот рублей стоит, а красть слишком палевно. Недавно зашел, а ценник на двести рублей вырос. Вообще не понимаю, что с ценами на книги творится.

О беспредельных ценах на книги я знал благодаря отцу, а потому ценил каждую. Именно поэтому подарок Данилу был для меня особенно важен. Я смог пропитать эту книгу своим теплом, мыслями, переживаниями, восхищением и любовью. Быть может, Данил это почувствует?

– Идите есть! – услышали мы с кухни.

Надо же, она сказала не «жрать».

Данил помчался как угорелый. Уже на входе в кухню мы увидели тарелку с блинчиками, и они были нормально прожарены, а не сгорели, как всегда.

Анита разлила по стаканам горячее молоко, расставила тарелки и ушла в гостиную, держа в руках телефон. Краем

глаза я разглядел на экране фотографию с накрашенными ногтями.

Стакан с молоком немного обжег мне руки, и я решил подождать, пока оно остынет. А вот Данил ждать не стал. Он сгорбился, наклонил к себе стакан подушечками пальцев и немного отпил. Это выглядело забавно, и я улыбнулся, сворачивая блинчик в трубочку.

После тихого завтрака мы вернулись в комнату.

– Марк, ты так классно живешь, – говорил Данил, кружась на месте, – и тепло у вас, можно в одной майке ходить.

У него был веселый голос и воодушевленный вид, сквозь который чувствовалась зависть. Но не черная, наполненная ненавистью. Скорее даже, он горевал из-за того, что не может быть таким, как я, а не завидовал.

– Мой отец работал юристом, защищал преступников, и за это ему много платили. Все деньги на нас с мамой тратил. А потом его уволили, мама никуда устроиться не могла, деньги заканчивались. Тогда ему предложили работать консультантом в магазине техники неполный день. Двадцать пять тысяч платили. На это можно прожить, но только не когда у твоей семьи ипотека, которую они, вероятно, до сих пор выплачивают... – Искорка в его глазах стала потухать. – А еще у меня был младший брат.

«Был...» – отложилось у меня в голове.

Данил оставался для меня загадкой. Умей я говорить, сразу огласил бы все свои вопросы, но когда ты немой, а теле-

фон – единственный способ связи, у тебя есть время хорошенько обдумать каждый вопрос и передумать набрать его на телефоне. Чутье подсказывало мне, что не стоит лезть в жизнь Данила. Придет время, и он сам поведает свою историю, если просто захочет поговорить или пожелает, чтобы его выслушали. Может, он хочет мне что-то рассказать, услышать мое мнение и получить поддержку? Но это невозможно. Я могу написать свои мысли, но это не удовлетворит ожидания Данила быть услышанным и понятым. Будет горьковатое послевкусие. Он может пожалеть, что рассказал об этом.

Может, я для него не так важен, чтобы раскрывать свои тайны? Ведь в жизни Данила наверняка было множество людей, которых он фильтровал по интересам, оставляя лишь тех, кто ему по душе. Мне выбирать не приходилось. В моей жизни Данил был первым, а потому я привязывался к нему все сильнее.

«Мы были людьми далеких звезд. Мы тянулись друг к другу, понимая, что никогда не дотянемся. И все равно не могли это прекратить, ибо человек по своей природе существо, в котором надежда сильнее осознания безнадежной действительности». Эту фразу из книги «Мы, лишённые чувств»¹ я хорошо запомнил. Дословно.

– А мультики у тебя есть? – Данил развалился на диванчике и закинул ногу на ногу.

¹ Книги «Мы, лишённые чувств» не существует.

Я чувствовал себя востребованным, нужным, и оттого пустота внутри меня начала заполняться, даруя тепло и облегчение, внутренний покой и осознание, что мое существование имеет смысл. Что я нужен тому, кто становится важным для меня. Интересно, а он ценит и чувствует мою отдачу, которая проявляется даже в таком маленьком действии, как подать коробки с дисками или книжный подарок? Или он забудет об этом уже завтра? Или уже сегодня, как только выйдет за порог?

Страх омрачал мою уверенность. Что, если это первый и последний раз, когда мы здесь вдвоем? А если бы у меня не было книг, мультиков, свежей еды, то стал бы он сюда приходить, чтобы просто побыть со мной? Если бы комната была холодной, стены с разодранными обоями, минимумом мебели, стал бы он возвращаться сюда ради меня?

Кажется, я слишком быстро вдохновляюсь, ведь я терпел все эти годы одиночество и вот сейчас не мог дождаться ответов на все эти вопросы. А еще я боялся разочароваться.

Мы направились в кухню. Данил включил мультик, и мы просмотрели его до конца, но половину мультфильма я оглядывался на гостя, пытаюсь понять, какие моменты ему казались смешнее, какие скучнее, какие его разочаровали, как он смеялся. Я изучал его, но он не изучал меня. Я ни разу не почувствовал его взгляд на себе.

– Да, классный мультик, – подытожил Данил, устало потягиваясь и зевая.

«Хочешь поспать?» – спросил я через телефон.

– Да, не помешало бы. Пойду я, наверное.

«Нет, ты можешь остаться спать у меня дома».

Данил задумчиво нахмурился и ответил:

– Боюсь, что, поспав в твоём уютном доме, я уже не смогу спать в своём, поэтому мне лучше уйти.

Он взял со стола «Одда...», зевнул, не прикрывая рта, и поплелся в коридор. Из гостиной слышался миленький смех Аниты, наверное, болтавшей с парнем, ибо с девушками она ржала как лошадь. Над городом сгущались тучи, поднимался ветер, проникавший в дом через открытую входную дверь; мое сердце замирало при мысли об уходе Данила и о том, что я вновь останусь один, в своём уютном, но пустом доме, где теперь мне не было покоя без него. Но от нашей временной разлуки и ожидания его нового прихода он становился только важнее. И оттого мне казалось, что ничем хорошим это не кончится.

Глава 7

С тех пор прошла неделя. Несмотря на то что под рукой всегда находился телефон и в любой момент я мог написать Данилу, он не прекращал приходить и беседовать со мной вживую: рассказал о Софии и Роме, который нашел на городской свалке почти целый велосипед. Но чем больше мы так разговаривали, чем больше он рассказывал, тем слабее становилась наша связь. Я чувствовал, что тонкая ниточка между нами постепенно расползается, одно волокно за другим. В какой-то момент она лопнет. И тогда он перестанет приходить.

Данил больше не просился в гости, а все мои предложения с вежливой улыбкой отклонял.

Где я мог просчитаться? Что могло ему не понравиться? Он зашел тогда, потому что его томила скука, а теперь больше не хочет тратить на меня время? Зачем тогда приходит? Он хочет оторваться от меня медленно, почти не причиняя боль от своего внезапного ухода? И неужели он тогда не понимает, что я все чувствую, или считает меня тугодумом, механическим мальчиком без сердца и эмоций, который не догадается, что его покидают?

Не было в голосе Данила бывшего энтузиазма. Становилось все меньше рассказов из его жизни. Все меньше фактов о нем. Он рассказывал о чем угодно, но только не о себе, и

оттого мне становилось тоскливо. Я чувствовал, что он отдалается, и я наивно объяснял это тем, что если заниматься чем-то одним каждый день, оно рано или поздно обязательно надоест.

Данил... Как сложно было представить свой день без него. Он изюминка в моей жизни. Единственный друг. Но, похоже, даже он больше не может терпеть скуку со мной.

Я ничего не рассказывал, потому что поведать мне было не о чем. Ему наверняка будет неинтересно в сотый раз узнать, что я ел на завтрак. Или услышать краткий пересказ книги, которая сто лет ему не сдалась.

Мы абсолютно разные, и все же что-то влекло нас друг к другу. Меня к нему – желание не быть в одиночестве все то время, пока нет папы. Его ко мне... Что же он во мне такого нашел?

В какой-то момент я прекратил слушать его рассказ о девочке из их компании, которую чуть не поймала полиция, и опустил взгляд. Отдался чувствам, что рвались наружу и навели на устрашающие мысли. Однако я старался думать о хорошем, хоть это и не успокаивало. И медленно, но верно слова Данила стали растворяться в бесконечном потоке звуков извне. Я склонился над коленями.

«Нить между нами разрывается».

И лишь подумав об этом, лишь сказав это самому себе, я ощутил дикое желание заплакать. Это было мое прощание с Данилом. Я уже готовился к серым дням, когда буду подка-

тиваться к окну и видеть все те же дома, тот же забор и газон. И Данила на улице не будет. Когда он приходил, я, сам того не осознавая, смотрел лишь на него. И больше не существовало ни домов, ни прохожих, ни крыш машин, что проезжали здесь нечасто. Когда-то будучи одними из немногих развлечений для меня, теперь они стали такими мелочами на фоне маленького человека, который стоял за забором и, со стороны казалось, говорил сам с собой.

Одиночество. Быть может, это и двигало Данилом? Я ведь практически ничего не знал о нем, кроме тех первых историй, которые он рассказывал, и рассказывать он ничего не собирался. Наоборот, после тех, возможно, случайно оброненных слов о семье, делал все, лишь бы отвлечь меня от него самого. Но он, кажется, не понимал, что я игнорировал «обманку».

Одиночество... Данил, почему ты не признаешь это? Почему не расскажешь, не напишешь об этом? Почему рассказываешь то, что не имеет смысла? Почему прячешься? Неужели тебе так легче? Но ведь ты знаешь, что чем больше лжешь себе, тем больше растет твоя неуверенность. Тем больше ты замыкаешься. Тем больше ты разрушаешь себя.

На долю секунды я задумался об одиночестве и его значении в нашей жизни. Зачем Бог придумал одиночество, как и счастье, и горе? Зачем Бог создал нас? Неужели ему было одиноко?

Я читал в одной книжке, что можно окружать себя

людьми, но от этого чувство одиночества лишь притупляется. Затем усиливается в разы, так как этому способствует горькое осознание, что ты пытаешься скрыть одиночество в душе, заполнить ее извне. Но тоску в душе подавить нельзя. Мы рождаемся одинокими и одинокими умираем. Человек всегда один. И как бы ты ни старался скрыться за маской нужности людям, затеряться в людской суете и даже стать частью шумной компании – лекарства от одиночества нет.

Телефон в руках завибрировал.

«Что такое? почему ты так погрузился?»

Когда я прочел это сообщение, на секунду решил, что накручиваю себя. Я вспоминал, как странно Данил отнесся ко мне в первые дни нашего знакомства: задевал, пытался ранить. А затем стал навещать. И это меня напрягало. Я чувствовал себя как на иголках. Или, быть может, Данил просто двуличный, но в хорошем смысле? Ведь свою важность он показывал перед другими, а сейчас, когда мы одни и никого из его знакомых нет, Данил вел себя иначе. Разве стал бы человек, которому ты не нужен, интересоваться тем, почему ты грустный?

«все хорошо. просто задумался», – ответил я.

«О чем?»

Я поднял глаза на Данила. Он смотрел на меня пристально, даже с каплей угрозы, словно готовился ко лжи, которая сейчас последует.

«ничего особенного»

«Я требую»

«почему тебя волнует грустный я или нет?»

«Всм?»

«что это значит?»

«В смысле?»

Я снова посмотрел на него. Взгляд его смягчился. В тот момент в глазах Данила было что-то трогательное, что заставило довериться ему и рассказать все как есть:

«я боюсь»

«Чего боишься?»

«я боюсь, что ты исчезнешь из моей жизни. так же резко, как и появился в ней»

Данил пристально смотрел в экран своего телефона. Сообщение не приходило около трех минут, но они будто тянулись дольше трех часов. Я уже не надеялся на ответ.

«Я появился в твоей жизни не просто так»

«что ты хочешь этим сказать?»

«Я думаю, что все наши действия предопределены еще до рождения. И наша встреча с тобой тоже. Если бы я родился в другом городе, в другой стране, на другом континенте, мы бы с тобой никогда не встретились. Мы бы даже не знали о существовании друг друга. Я бы, к примеру, не узнал, что есть такой мальчик по имени Марк, с которым могу подружиться»

«если бы я не был инвалидом ты бы не обратил на меня внимания да?»

«Не говори так»

«но ведь это правда. другие люди сразу замечали, но делали вид что меня нет. что меня не существует. почему так происходит? им стыдно смотреть на мальчика в инвалидном кресле?»

«Марк, ты неправ. Им больно смотреть на мальчика в инвалидном кресле. Увидев того, кто чего-либо лишен, человек представляет себя на его месте. Жалость к другим порождается жалостью к себе. Ему становится страшно, и этот страх переходит в жалость по отношению к человеку, который чего-то лишен. Но далеко не каждый способен на такое. Другие действительно испытывают презрение. Я знаю это по себе и по своему младшему брату. Одни дети стеснялись на него смотреть, отводили глаза, другие же обзывали коровой и зеброй из-за цвета кожи. Вернее, цветов. Были моменты, когда я сам его стеснялся, боялся брать с собой гулять с друзьями, придумывая дурацкие причины. Как же я сейчас об этом жалею! Все бы отдал, чтобы сейчас его увидеть и обнять. Вы с ним, кстати, ровесники».

«а что было с кожей твоего брата?»

«Все из-за витилиго. Это когда на коже белые пятна появляются. Иногда выглядит даже красиво, иногда нет. А вообще это болезнь, а в болезнях ничего красивого нет».

«сожалею»

В ту же секунду мне стало жутко стыдно за такой скудный ответ. Данил наконец вновь ненадолго приоткрыл заве-

су своего прошлого, а я не смог толком это оценить, потому что просто не знал, как передать свои чувства словами. В голове бурлила куча мыслей, которые я просто не мог облечь в слова на экране. Это как с твердым пластилином, из которого выходят некрасивые фигурки – совсем не то, что ты планировал. То же самое с рисунками. Лишь сейчас я понял, что так всегда: ты представляешь себе одно, а выходит всегда другое, и дело не в том, что ты не стараешься, а в том, что таково правило, и не у всех выходит его миновать.

После рассказа Данила я был немного растерян. Представил себя на его месте и задался вопросом: «А стал бы я избегать своего необычного брата?»

Но тут же понял, что неправильно отвечать на такой вопрос, когда сам сидишь в инвалидном кресле и используешь телефон для общения.

От Данила пришло сообщение:

«Как думаешь, что лучше: жалость или презрение?»

Я ответил первое, что пришло в голову:

«нет. неправильно. что хуже: жалость или презрение?»

Ответ не заставил себя ждать.

«Я не знаю. Но думаю, что однажды твой папа даст тебе понять что хуже, а что лучше», – ответил Данил и поднял на меня печальный, немного напряженный взгляд.

Я так и не понял, о чем он говорил, но его вид меня встревожил – словно меня жалели, а быть человеком, которого жалеют, мне в тот момент совсем не хотелось.

После этого разговора я стал думать о Даниле немного иначе. Он стал для меня светлей, человечней и живей. Многим ли он мог таким показаться? Многим ли он мог пове­дать то, что услышал я? Со многими ли он мог разговаривать так же откровенно, как со мной? На многих ли мог смотреть так, как на меня? Многим ли мог уделять столько времени, сколько мне?

Я понял, что имею теперь даже больше, чем мечтал. И мне все равно было мало.

Для Данила, выросшего на улицах преступного города без родителей и присмотра взрослых, быть открытым и светлым значило проиграть. Но кому? Самому себе? Только открой щелочку своего заветного сундука тайн, доброты и чувств, как люди залезут в него с головой, распотрошат все до дна и вынесут на всеобщее обозрение. Тогда все узнают о твоих слабостях.

«Откуда мне знать, какие люди на самом деле? Меня ведь еще никто не предавал», – подумал я.

«Не переживай. Ты еще маленький. У тебя все впереди», – отвечал внутренний голос.

Когда Данил ушел, слабо улыбнувшись и махнув мне рукой на прощание, в моей душе образовалась пустота.

Я сам раскрыл свой сундук, сам распотрошил все, что в нем было, и сам вынес на суд Данила свои чувства и мысли, страхи и переживания. Теперь я обнажен. Теперь он знает, что я боюсь его потерять.

Почему мне так страшно раскрываться перед ним? Может, потому что мне нечего раскрывать? Потому что там, в моей душе, на самом деле ничего особенного нет? Одни страхи, тревоги и неуверенность в себе. Если это выяснится, станет ли он тратить время на меня? Или он уже это выяснил? Тогда что же им движет?

Почему я чувствую себя ограбленным после озвучивания страхов? Ведь оставь я их при себе, все равно бы мучился. Как я понял, в этом заключена вся правда: расскажешь свои секреты – чувствуешь себя ограбленным, оставишь при себе – раздавленным.

Со временем эти переживания притихли, но остался осадок, ненавистное мне чувство непонимания, когда в голове столько вопросов, а ответов нет. Утешало то, что на следующее утро я, вероятнее всего, половину их попросту забуду.

Вечером вернулся отец. Сиделка Анита, на удивление, больше не притворялась хорошей. Выглядела какой-то уставшей, будто пахала весь день. Наверное, устала болтать с подругами.

– Как прошел день, Сильвестр? – без нотки наигранности спросила она.

– Отлично! – Папа явно был воодушевлен. С легкой руки бросил телефон на кресло и снял пиджак. На его лице сияла улыбка.

– От вас так вкусно пахнет хлебом.

– О да. Скоро меня от него будет тошнить.

– Да разве может от такого тошнить? – усмехнулась Ани-та.

Папа счел вопрос риторическим и обратился ко мне:

– Я принес тебе кукурузные булочки, а еще йогурт с ку-сочками персика и сок. Ты же любишь.

О том, что я люблю кукурузный хлеб, отец узнал сам. За-метил, с каким аппетитом я его ем, и с тех пор кроме куку-рузного хлеба и булочек из кукурузной муки в нашем доме выпечки не было.

Анита ушла, попрощавшись со мной. Не сказать, что че-рез силу. Не исключено, конечно, что просто улучшились ее актерские навыки.

На кухне отец положил на стол кукурузную булочку и на-лил стакан апельсинового сока для меня – моего любимого. Затем включил телевизор, чтобы мне не было скучно, а сам отправился переодеваться.

По «Первому каналу» шли новости. Опять какие-то по-литические проблемы, теракты, убийства, расследования и борьба с коррупцией. В общем, все как обычно.

Порой я осознавал, что политическая программа – это развлекательное шоу, во время которого ведущие кривляются, как только могут, шутят и бесконечно орут друг на дру-га. Все ради развлечения телезрителей. Как-то раз сиделка включила один из телеканалов. Там как раз шла одна из та-ких передач. Мы застали момент, когда ведущий ел печень-ки перед всеми и пытался засунуть одну из них в рот пригла-

шенному американскому эксперту, которого, казалось мне, позвали, чтобы поиздеваться. Как-то раз тот же ведущий, сгорбившись, бегал по студии с высунутым языком и пародировал собаку.

Иногда смотреть на взрослых, которые ведут себя как идиоты, гораздо интересней, чем смотреть мультики, в которых ты заранее знаешь, что победит добро.

Спустя пару часов я уже был в своей постели.

– Ну, – начал отец, опускаясь на кровать, – Данил сегодня не приходил?

Заметив мое смущенное лицо, он дополнил:

– Анита рассказала мне, что как-то раз он приходил, и вы провели время вместе.

Он говорил это, улыбаясь, легко и без упрека, но мне все равно казалось, что Данил ему не очень приятен. Все еще оставался открытым вопрос их знакомства. Быть может, Данил украл у него что-то? Или папа знал его семью?

Мне было боязно спрашивать, потому что точного ответа я бы все равно не получил, но заставил бы отца напрячься. Если бы знакомство с Данилом не было для него большой темой, он и сам бы мне рассказал.

– Я не против того, чтобы он приходил к нам в дом, – говорил папа, – но Данил мальчик избалованный и требовательный. Не поддавайся ему.

Не поддаваться? Я раньше и не задумывался об этом.

«данил хороший. мне с ним нравится», – написал я в те-

лефоне.

– Понимаю, но все равно не поддавайся. Он может просто облаглеть. И я тебя не запугиваю, но в моей жизни такое случилось часто, особенно в начальных классах. Мне хотелось дружить с одним мальчиком, но он был очень неприступным и, как это принято говорить среди молодежи, крутым. Он воспользовался моей заинтересованностью в нем. Говорил: «Принеси то, принеси это, сделай домашку и напиши так, чтобы почерк был похож». И я слушался его. Ближе к четвертому классу понял, что он меня просто эксплуатировал. Знаешь, чем все закончилось? Меня сделали изгоем. Вместе со своими друзьями он побил меня на перемене, и с тех пор мы ни разу не обмолвились и словом. Я перестал для него существовать. Слава богу, что это произошло в последние месяцы учебного года, а в следующем я перешел в другую школу. – Папа положил свои тяжелые руки на мои. – В общем, мораль сей басни такова: не будь с теми, кто не хочет быть с тобой, и с теми, кто с тобой ради выгоды. Лучше быть одному, чем с плохим человеком.

«Но Данил хороший», – не унимался я.

Отец никогда не рассказывал об этом. Наверное, потому, что не пришло время, и запугивать меня раньше положенного не хотел. Своей историей он лишь укрепил мои сомнения по поводу Данила. Я не желал плакать, но стало щипать в глазах от слез, которые появились сами по себе. Слова отца о нем были заточены острее любого лезвия и подрезали

крылья моей уверенности в друге.

– Это только моя история, – заметив это, успокоил отец. – Конечно, возможно, с тобой будет иначе, и Данил действительно хороший парень, но просто он... непонятный. Не знаешь, чего от него ждать, и глаза у него хитрые. В общем, доверяй, но проверяй. И не привязывайся сильно. Понимаю, это твой, по сути, первый друг, но не поддавайся эмоциям и будь всегда осторожен. Хорошо? – весело спросил он. Так, словно только что не грязью облил мои представления о лучшем друге, а сказочку на ночь рассказал.

Я лишь кивнул, а сам боролся с тянущей болью в горле, возникшей от обиды.

– Спокойной ночи, – сказал папа, закрывая дверь.

Завтра Данил снова придет. Мы снова будем общаться, я снова услышу его забавные истории. Только теперь буду смотреть на него иначе.

Глава 8

Я проснулся от приглушенных болезненных стонов, что слышались за стенкой.

Не сразу понял, что происходит. И не сразу осознал, что стоны идут со стороны комнаты папы. Им вторили удары. Один за другим, почти без остановки.

Услышав дрожащий голос отца, все мое существо заныло, затряслось от страха и тревоги. В коридоре хлопнула дверь, и я вскочил с места, опираясь локтями о подушку. Один устрашающий шаг за другим слышались в коридоре. Я затаил дыхание. Страх туманил разум.

Я сразу догадался, кто это.

Глухие удары не прекращались. Стоны и крик папы становились короче и тише. Я понимал, что должен что-то сделать, но не знал что.

Почему они бьют его? Почему не меня? Не трогайте папу, он не виноват! Если бы сейчас кто-то из них был передо мной, смотрел на меня высокомерно, как на прислужника, я был бы готов расцеловать ему ноги, лишь бы он исполнил мою просьбу.

Как же хотелось кричать «Папа!» во все горло, что есть сил. От каждого короткого вздоха отца груз на сердце тяжелел. Мне казалось, я вот-вот потеряю сознание от волнения. Голова кружилась от шагов, скрипа дверей, лязга цепей за

дверью, треска стульев о стену, шума на кухне и биения сердца, что, казалось, слышалось за пределами моей груди.

Фонари не горели этой кошмарной ночью. Как назло. Я едва ли разбирал, что передо мной находится. На ощупь нашел инвалидное кресло и лихорадочно старался придвинуть его к кровати так, чтобы при посадке не ошибиться и не свалиться на пол. Но паника брала верх. Разум покинул меня. Слезы переполняли глаза, жалкие всхлипывания слышались уже по всей комнате.

Я свалился на пол. Стал ползти к двери, из-под которой пробивался теплый свет с кухни. Свет, который не предвещал ничего опасного.

Я услышал скрип пола у себя за спиной. Пот стекал по лбу, из груди рвался крик ужаса. Этот крик начал будто разрывать легкие на части. Я почувствовал, как кто-то резко придавливает меня к полу.

Все это время в комнате кто-то был. Он наблюдал и выжидал, когда я приму жалкие попытки спасти отца.

Я не смел оглянуться назад. Казалось, если сделаю это, сердце разорвется от страха. Тело, дыхание и жалкий голос дрожали в унисон. Я ждал, когда он уберет ногу и вонзит мне в спину нож, и тогда я перестану слышать шум в папиной комнате, не узнаю его трагическую судьбу и не увижу больше Данила. В тот момент от безысходности я желал укрыться от этого ужаса в любых объятиях. Даже в объятиях Аниты.

Удары за стеной прекратились вместе со стоном отца. Я

посмотрел туда, где секундами ранее еще слышал его голос, служивший знаком, что он еще жив, что он рядом, борется за наши жизни.

Дверь открылась. Меня била дрожь, но я поднял взгляд. Высокий человек, облаченный в черное: маска, брюки, рубашка.

Это они. Это ШМИТ.

Он провел ладонью по шее.

Что это значит? Что означает этот жест?

Я знал ответ, но не желал его принимать. Этого не может быть. Почему так произошло? Разве человек не получает то, что заслуживает? Разве мой отец заслужил такую судьбу?

Это я виноват.

Я мог изменить наши судьбы. Наши жизни были в моих руках. Если бы тогда я написал отцу о ШМИТ, если бы Данил рассказал папе о них, этого бы не произошло.

Давление на спину спало. Заскрипел пол, и мимо меня прошел тот, кто находился в комнате с самого начала. Мужчина из коридора раскрыл дверь, и они вместе с двумя другими направились к выходу.

Я не верил, что это закончилось. Разве они пришли не за моей жизнью? Так почему уходят? Ведь вот же я!

Папа... Папа... Папочка! Я пополз к нему. Перед глазами все расплывалось от пелены слез, крупные капли катились по щекам. Я почти добрался до его двери. Она была слегка приоткрыта.

Вдруг я почуял запах горелого со стороны кухни. Оглянувшись, увидел, как пылают занавески и жадный огонь стремительно охватывает все вокруг. Тогда я понял, что за шум слышал на кухне. То был разливающийся керосин.

Это конец.

До двери в комнату папы было четыре шага. Я хотел умереть рядом с ним. Ни о чем другом больше и не думал.

Но дым охватил уже весь коридор. Черной копотью покрывались стены, плавилась техника, горела мебель, цветы на тумбе за считанные секунды погибали от языков пламени, что тут же охватывал тумбу.

Я начинал задыхаться.

Еще три шага. Три несчастных шага, и я буду там, рядом с папой. Он еще жив. Он жив, он должен быть жив!

Я осознавал, что во мне пробуждается эгоизм: пусть для меня счастье погибнуть после того, как услышу последний вздох отца, но для него сгореть живьем – мучение.

А разве не мучение для меня сгореть живьем? Почему же я боялся быть зарезанным, но не боялся сгореть? Ощущать смертельное прикосновение пламени, чувствовать, как оно разъедает кожу до крови, запекая ее...

Почему не боюсь?

Страх умереть, так и не увидев папу, был сильнее.

Воздух тяжелел, дыхание становилось реже. Я не мог больше мыслить здраво, но одно понимал точно – я не увижу отца.

Я не доползу. Я задохнусь. Я умру.

Глава 9

Белая комната. Без конца и края.

Нет горящего дома, нет отца. Все, что меня окружало, – белая слепящая пелена.

Я стоял на коленях. Каждый прерывистый вдох отражался от стен. Здесь было холодно, и лишь обхватив себя за плечи, чтобы согреться, я заметил, что на мне нет одежды. Прикосновение к коже пробудило волну боли.

Я лег на пол. Взглянул на свои руки и ужаснулся, заметив белые волдыри на коже, красные пятна и местами раны, из которых медленно вытекала густая кровь.

Разум и чувства не сходились во мнениях: чувства не выдавали паники, а разум кричал: «Что со мной?!». Но где-то в отдаленном уголке души зарождался ужас. Потихоньку боль в теле становилась настолько невыносимой, что, казалось, я горю живьем. Я уже сгорел живьем. Сгорел тогда, дома.

Я поднял голову и вновь оглянулся. Вокруг ни души.
«Я умер?»

– Нет, – вдруг разнеслось по всему пространству.

Это был голос папы. Он доносился откуда-то сзади. Я повернулся к нему и вскрикнул от увиденного. Передо мной стояло обугленное тело. С раскрытым ртом, с оголенными зубами, а вместо глаз – воронки. Две черные большие ворон-

ки, от которых я сразу же отвел взгляд. Я так и чувствовал, как они затягивают меня в себя, в свое логово, в свой смертельный покров. От этого кружилась голова, сводило живот и начинало тошнить.

Все тело было похоже на большой кусок угля, где из трещинок, опутавших плоть, подобно паутине, сочилась густая кровь, стекавшая по почерневшему телу. Он не был похож на моего папу. Он напоминал чудовище из кошмаров, после которых ты никогда не уснешь и каждый раз, открывая глаза ночью, будешь видеть перед собой это существо с раскрытым ртом и торчащими зубами, которыми оно вот-вот оторвет от тебя кусок.

В тот момент, лежа перед папой, я испытал такой страх, от которого не отойду уже никогда.

– У рыженького мальчика был один друг. Друг ушел. Сколько друзей осталось? – хрипло произнес он.

Я вспомнил свой первый сон с его участием. Он спросил: «Что страшнее для человека: смерть духовная или физическая?» Теперь он снова спрашивает нечто странное. Но ведь это все просто моя фантазия.

В первые секунды мне показалось, что это чушь, но задумавшись... Рыженький мальчик – это я, единственный друг – Данил. Один друг ушел. Сколько?..

Я снова поднял взгляд на отца, но на его месте стоял мальчик. На вид ему было от силы девять. Весь истерзанный, в разодранной одежде. У него были светлые, почти русые во-

лосы. Милое личико, испачканное грязью, одежда в крови; он стоял босой, с нечесанными волосами, в которых застряли листья. И печально смотрел на меня. Стал подходить. Все ближе и ближе, пока не опустился на колени и устрашающим шепотом не произнес:

– Это нечестно. Почему именно я, а не ты?

Неожиданно все перед глазами исчезло. И мальчик, и свет. Пришла тьма. Я слышал голоса. Не мог разобрать, чьи они, но каждое слово било, словно молот по леднику, разбивая эту тьму, образуя на ней вмятину за вмятиной, трещину за трещиной, и, в конце концов, вытащило меня из кошмаров, выдуманных моим воспаленным сознанием.

– Доктор, он приходит в себя! – окончательно вырвал меня из мира грез звонкий девичий голос.

Я раскрыл глаза. Разум еще не отошел от сна, но при виде девушки в больничной шапочке со спущенной к подбородку маской и в белоснежном халате, я понял, что нахожусь в безопасном месте – в больнице.

Девушка перевела взволнованный взгляд на мужчину, который был одет так же, как и его коллега.

– Пришел в себя, наконец-то, – сказал он мягко, с облегчением, словно только что опустил какую-то тяжелую ношу.

– Мальчик, – обратилась девушка ко мне, – Марк, верно?

Я медленно кивнул. Чувствовал себя как в десятикилограммовом костюме, в котором каждое движение и вдох давались с трудом.

– Он еще очень слаб, – заметил доктор, а потом обратился ко мне: – Не переживай. Твоей жизни больше ничего не угрожает.

Я опустил голову, почти прижавшись подбородком к ключицам. Ожидал увидеть забинтованные в несколько слоев руки, ноги, туловище. Но ничего такого не было. Кожа выглядела целой, боль меня не мучила.

– Тебя нашли прохожие, которые и вызвали пожарных. Ты лежал прямо напротив своего дома, на другой стороне улицы.

Меня как кипятком облили. Похоже, я, сам того не замечая, устремил на доктора настолько удивленный взгляд, что он выпрямился и даже отшатнулся.

– Ты можешь рассказать, что произошло? – спросила медсестра.

– Погоди-погоди, – доктор положил ей одну руку на плечо, во второй же держал белую папку. Раскрыл ее и пролистал несколько страниц, после чего продолжил: – Наш пациент с рождения не способен говорить из-за нарушения речевого центра. Плюс ко всему, – добавил доктор, – он не может стоять на ногах. С рождения.

– Паралич? – спросила девушка.

– Нет. Ноги развиваются вместе с ним, как видите, но медленно и не способны чувствовать. Точного диагноза здесь нет. – Он перелистывал одну страницу за другой, затем с хлопком закрыл медицинскую карту.

Девушка обратилась ко мне:

– Ты что-то чувствуешь? Ощущаешь свои ноги?

Я покачал головой.

– Странно, – сказал доктор, – очень странно. Это неестественно.

Уж простите. Каким Бог сотворил.

Еще около минуты они обсуждали причины, по которым мои ноги «развивались медленно», не держали вес моего тела и не чувствовали прикосновений. Сквозь эту болтовню я слышал папин голос, когда один за другим его осыпали удары. Прямо на фоне медсестры и доктора появилась сцена его избияния. Я не мог прекратить видеть ее и отвлечься на что-то другое. Все мысли были только об отце.

И этот сон...

Наконец болтовня прекратилась, и они переглянулись, опустив плечи с тяжелым вздохом.

– Ладно, – заключила медсестра, – нужно дать ему отдохнуть.

Они развернулись, чтобы уйти, но я успел схватить девушку за рукав халата. Я смотрел на них умоляющими глазами, моля о правде. И они поняли. Девушка вышла из палаты, но мужчина, как я разглядел на его бейджике, Дмитрий Владимирович Фролов, сел рядом со мной на покосившийся стул с убитой обивкой.

– Марк, я понимаю, – начал он, стараясь не встречаться со мной глазами, – это тяжело, но ты должен кое-что знать.

Едва ли я тогда по-настоящему осознавал, о чем он хотел мне сказать. Я чувствовал, что весть будет печальная, но не был готов ее принять. Во мне зародилась новая надежда на то, что папа жив, лежит сейчас в соседней палате, пусть весь забинтованный, со скрытым под толстым слоем бинта лицом, еще без сознания, но живой. Ведь если меня спасли, то и его тоже должны были.

В палату зашла женщина в черном брючном костюме. С короткими светло-русыми волосами, больше напоминающими солому. Она выглядела строго, каждый шаг совершала с твердостью и решительностью, всем своим видом напоминая сотрудницу какой-нибудь компании со злыми и неудовлетворенными жизнью и зарплатой сотрудниками.

– О, вы пришли, спасибо, – сказал доктор. – Присаживайтесь, – И он благородно уступил леди место на убитом стуле.

Та лишь кивнула в знак благодарности и села на старый стул, как на трон. Я сразу понял, что эта женщина не из простых, шутки шутить явно не умеет, а услышать ее смех стоит дороже золота.

– Здравствуй, Марк, – начала она разговор.

Голос не подходил к ее образу. Он был нежным, не слишком громким, не слишком тихим, глубоким. Под этот дивный голос хорошо было бы спать. В нем слышались нотки сожаления, но не жалости. В ее голубых глазах жила искренность.

– Меня зовут Анастасия. Можно просто Настя. Я детский

психолог.

Я больше удивился не тому, что она психолог, а тому, как она представилась. Без фамилии, без отчества. Только имя. Она хотела, чтобы я считал ее своим другом и был готов раскрыть двери со всеми своими тайнами. Желала завоевать доверие в моем сердце. Осознав это за секунду, я влюбился в нее. Она вызвала во мне чувства мгновенной привязанности, восхищения и страха.

– Оставлю вас наедине, – сказал доктор и поспешил уйти.

– Я знаю о твоём диагнозе, поэтому буду спрашивать так, чтобы ты мог ответить «да» или «нет», кивнув или покачав головой. Хорошо?

Я кивнул.

– Марк, – начала она, глядя мне в глаза, – ты ведь понимаешь, что произошло? Я не хочу говорить. Хочу, чтобы ты сам ответил мне. Ты ведь знаешь, что произошло той ночью, и как сложилась судьба твоего отца?

Искорка надежды моментально затухла. Скажи мне это доктор, и я стал бы биться в истерике и плакать. Но от нее слышать подобное было и больно, и обыденно. Вопрос прозвучал так, словно это нормально – терять кого-то. Так, будто она давала понять, что я не виноват.

Она не говорила: «Он умер». Она хотела, чтобы я сам это осознал.

– Ты сильный мальчик, Марк. Твой отец любит тебя.

Заметив мой удивленный взгляд после последней произ-

несенной фразы, она сразу объяснила:

– Я говорю «любит», потому что в человеке важна душа, а душа не умирает. Она уходит в другие края и все воспоминания уносит с собой. Она уходит, когда приходит время. Когда-нибудь настанет и мое, и тогда я покину свое тело. Знай, Марк, есть несколько вещей, что не зависят от нас при рождении, и одна из них – наша внешность. Но душа дается нам всем чистой, и только от нас зависит, какой она станет в итоге. И внешность не так важна, как то, что у тебя внутри. Никогда не думай: «Я лишен способности ходить и говорить. Я не такой, как все». Марк, ты такой, как все. Ты человек, и мы люди тоже. Но все люди разные, и каждый имеет то, чего нет у другого.

Меня одолевали странные чувства. Сначала щекочущие, приятные, как холодок по коже после нанесения спирта; затем болезненные, как укол неопытного врача, заставляющие плакать и почему-то радоваться этой боли, испытывать эйфорию. Эти чувства тянули вниз, рвали на части мое горло. Они ударяли по сердцу, и оно билось чаще, заставляя делать судорожные вдохи.

Она смотрела на меня с пониманием, когда по моей щеке одна за другой катились слезы, и как только я дал им волю, непонятная боль внутри отступила. Я не вытирал слез. Мне нравилось то, как они вырисовывали на моих щеках мокрые дорожки. Я не видел их, но чувствовал. И точно так же папа не был со мной физически, но был со мной душой. Я знал.

Я в это верил.

Я вспомнил свою тетю, умершую от инфаркта. Однажды, когда в нашем доме еще не было Аниты и папа оставлял меня со своими друзьями, он пришел, сгорбившийся, весь красный и с мокрыми щеками. Он отпустил друга, опустился передо мной на колени и сказал: «Тетя Оля больше не придет». Я тогда был маленький, не сразу понял значение этой фразы. Хотел спросить: «А куда она ушла? А когда же вернется?». Следующие два дня отец выглядел неважно. Рано уходил и поздно приходил. Был бледным, неухоженным, ходил в мятой одежде, и от него неприятно пахло. Папа стал пить.

В один из дней я услышал разговор с его приятелем на кухне. Они закрыли дверь, но не до конца, и через щель я видел затылок папы и немного сонного небритого мужчину с двумя подбородками и торчащим из-под водолазки пивным животом. Было видно, что он абсолютно равнодушен к страданиям отца, который неразборчиво, в пьяном полубреду рассказывал о своей сестре. И в какой-то момент я услышал от него: «Почему она умерла? Почему люди, которые мне дороги, постоянно умирают? Сначала *он*, теперь она».

Я не понял значения слова «умерла».

Я стоял возле окна, наблюдая за каждой проезжающей мимо машиной в надежде, что вот-вот к нашим воротам подъедет машина тети. Я не прекращал следить за прохожими, ожидая узнать в одном из них свою тетю Олю. Так длилось две недели.

Однажды отец зашел ко мне в комнату и увидев, как я пристально вглядываюсь в окно, сказал: «Люди, которые умерли, больше никогда не возвращаются. Умирать значит никогда не возвращаться». В тот самый момент я понял значение слова «умирать». Таков был подарок на мой день рождения. Папа вышел из комнаты, забрав мои детские мечты, похитив надежду и раскрыв глаза. И тогда, сидя у окна и обливаясь слезами, содрогаясь всем телом от душевной боли и осознавая, что тетя Оля больше никогда не зайдет в наш дворик, не улыбнется мне, не обнимет, не засмеется своим звонким голосом и не погладит меня по голове, я начал ненавидеть отца за горькую истину, преподнесенную так грубо.

Я заметил, как Настя складывает руки на коленях в нерешительности что-то сделать. Такие нежные руки. Я хотел к ним прикоснуться, но боялся. Боялся, что от этого теплого, мягкого прикосновения размякну душой, и стена, сдерживающая слезы, прорвется.

К каждому ли ребенку Настя могла так проникнуться? Или выражение сочувствия – просто часть ее работы?

Меня накрыл аромат женских духов. Такой насыщенный, что легких не хватало, чтобы вместить все его нотки. Тонкие пальцы приятно перебирали волосы, они легли на мой затылок и привлекли к плечу.

Я обнял ее в ответ. Положил руки на ее неширокую спину, но рука скользнула вниз по шелковому пиджаку и опустилась на тонкую талию.

Образ строгой женщины растворялся, как и я в ее объяснениях, в тепле ее хрупкого тела. И тогда я ощутил то, чего раньше не испытывал, но так желал испытать – материнскую ласку. Действительно ли это была она? Или я себе ее нафантазировал? А как иначе объяснить то, что при мысли о том, что Настя вот-вот отойдет от меня, оторвется от моего сердца и сядет обратно на стул, мне становилось так тоскливо?

Я снова слишком быстро привязываюсь к людям.

И вот тепло ее тела уже не грело меня. Она села на стул. В ее глазах не блестели слезы, как в моих, но зато в одном мы сошлись – в улыбках. Как только это произошло, новый камень лег на мое сердце. Эйфория прошла. Тревога вернулась. За мгновение родились десятки вопросов о том, что же произошло на самом деле, пока я был без сознания, и где найти ответы на них.

– Ладно, – сказала Настя, – тебе нужно отдохнуть и все обдумать. Скоро придут следователь и педагог, твой представитель. Ее зовут Елизавета.

Я схватил ее за рукав и стал нервно оглядываться в поисках телефона. Она заметила мое смятение и спросила:

– Ты что-то ищешь?

Я поднял руку и начал тыкать в ладонь, тем самым изображая...

– Телефон? Тебе нужен телефон?

Она достала из кармана брюк свой телефон, который был в три раза больше моего. Понятия не имею, как таким поль-

зоваться. Настя протянула мне его с уже включенным экраном, на котором отображались тетрадные строчки. Это было что-то вроде блокнота, только в телефоне.

Я начал писать свое первое к ней сообщение, но делал это с трудом. Я привык набирать пальцами обеих рук, но здесь приходилось одной удерживать эту громадину.

«вы не знаете где данил?»

Я отдал ей телефон. Прочитав сообщение, она с удивлением взглянула на меня и спросила:

– Данил? Это твой друг?

Я закивал. Он был, пожалуй, единственным, кому я мог выплеснуть свое горе.

– А где он живет, можешь написать? Кто его родители или какая у него фамилия? – спрашивала она, протягивая мне телефон обратно.

Я взял его неуверенно, ибо на все эти вопросы ответов у меня не было.

«у него нет родителей. он беспризорный. данилу 14 лет. у него каштановые волосы и сине-голубые глаза. а еще он высокий. он живет с такими же беспризорными детьми как и он сам».

Когда Настя прочла это, по ее лицу пробежала тень сомнения. Для нее этих сведений было явно недостаточно, чтобы найти Данила.

– Марк, даже не знаю... – протянула она и выдохнула как-то слишком облегченно. Так, будто даже не собиралась мне

с этим помогать. — Ты знаешь, где он живет?

«я помню», — написал я в блокноте.

Я вышел из блокнота и взглянул на дату.

Прошло два дня. Раньше Данил приходил ко мне каждый день. Он ведь наверняка пришел ко мне домой и увидел сгоревший дом, наверняка должен был узнать о случившейся трагедии и о том, что папы больше нет. Если так, то он должен был прийти в больницу и искать меня. А что, если он приходил, но я был без сознания?

«пожалуйста позовите врача», — показал я телефон Анастасии.

— Хорошо.

Она открыла дверь, за которой стоял доктор Фролов. Он вошел в палату и подошел ко мне. Следующий вопрос уже был готов на экране телефона:

«ко мне за 2 дня никто не приходил? никто меня не искал?»

— Нет, Марк, никто, — покачал головой доктор.

Не может быть...

Неужели Данил забыл меня? Неужели мои опасения о том, что он исчезнет из моей жизни, оправдались?

Я был готов к этому. Я знал, что это произойдет. Что останусь один никому ненужный. Но все же когда доктор Фролов отрицательно покачал головой, мир перед глазами будто треснул. В груди защемило. В душе что-то рухнуло. Прорвалась плотина моих надежд. Плотина, все это время сдержи-

вавшая мою тревогу.

Настя в сопровождении доктора Фролова вышла из палаты, сочтя нужным оставить меня наедине с собой. Они закрыли дверь, и этот щелчок стал для меня звоночком, пробудившим все смешанные чувства.

Я хотел спрятаться под одеялом от собственных эмоций. Но когда сделал это, почувствовал себя в капкане, в клетке, в черной комнате без дверей, наполненной бесконечным эхом, что шло из дальних уголков моей души. Эхо, которое я прятал: «Ты ему больше не нужен. Ты ему больше не интересен. Зачем ты ему сдался? Все его слова были ложью. Ты был лишь очередным способом развеять скуку».

Даже осознав свою ненужность, я все еще ждал его. Я ждал, что вот сейчас скрипнет дверь, и на пороге будет стоять он. Что я раскрою одеяло, явлю ему свое заплаканное лицо, и он, ахнув, подбежит ко мне, радуясь тому, что я жив.

Под этим одеялом я сходил с ума, но и откидывать мне его не хотелось. Казалось, если сделаю это, то отпущу свои чувства и мрачные мысли. Нет, я хотел задохнуться в них под одеялом, утонуть в собственных слезах. Хотел убить в себе наивность и закалить дух. Хотел стать сильнее, чтобы больше никто и никогда не смог причинить мне такую боль.

Отец был жив в моей душе, но его не было рядом, а человек, которого я так близко подпустил к своему сердцу, ушел, оторвав от него часть.

Боже, почему душевная боль причиняет боль физиче-

скую? Почему так больно в груди, будто туда прямо сейчас заколачивают гвозди?

Что меня ждет дальше? Я полежу в больнице, оправлюсь от ран, а потом? Что будет потом?

Внутри теперь жила лишь пустота. Никого рядом со мной не осталось.

Глава 10

Прошла неделя.

Беседа с полицейским при участии педагога не дала им никаких результатов, пусть я и рассказал (написал) о ШМИТ. Я хотел, чтобы преступники были наказаны, но если есть на свете справедливость, то это произойдет само собой.

Мои запоздалые показания отца не вернули бы, и меня прежнего тоже. Они лишь порождали пелену сомнений. Теперь всю оставшуюся жизнь я буду оглядываться в ожидании увидеть пару безумных глаз главара ШМИТ и горящую зажималку в его руке.

Настя приходила ко мне каждый день, что меня изрядно удивляло. Приносила с собой книжки, каких я раньше не читал, а однажды занесла в палату ноутбук с сохраненными на него мультиками. В общем, делала все, лишь бы отвлечь меня.

Но это ей не удавалось.

Я задумался над значением Настя в своей жизни. Хотел узнать о ней все: где она живет, как живет, есть ли у нее муж, чем она увлекается, чем занимается в свободное время.

А еще я кое-что понял за эти дни. Мир – это не всегда то, что нас окружает. Миром может быть каждый человек. Для меня Настя стала маленьким миром. В нем было уютно и тепло, из него не хотелось выходить. Каждый раз, когда На-

стоя поворачивалась спиной, прощалась и уходила до следующей встречи, этот мир исчезал. Дабы не чувствовать холода действительности, я зарывался в одеяло, зажимал каждую щель, чтобы не пропустить свет, и фантазировал, додумывал то, о чем страшился ее спросить.

Я боялся быть навязчивым и оттолкнуть ее от себя. Но еще больше боялся, что она будет это терпеть и натужно улыбаться. От этого было бы только больнее – от осознания, что ты доставляешь человеку неудобства, а он их терпит.

Либо дорисовывай свой рисунок до конца, либо отправляй его в мусорную корзину. Нет смысла смотреть на этот набросок и думать: «Я бы мог дорисовать его». А потом откладывать его в долгий ящик, отчего он камнем ляжет на плечи. Не легче ли просто выбросить его к чертям?

Я не решался рассказать ей о ШМИТ сам, но, похоже, она знала о них и без меня: скорее всего, следователь или педагог Елизавета-как-ее-там ей наверняка все рассказали. Как я понял, Настя хорошо знакома с этой Елизаветой-как-ее-там.

Мне казалось, ШМИТ следят за мной, и скажи я правду, перережут мне горло во сне. Но что еще страшнее – Анастасии и всем, кто знают об их виновности.

Одни люди исчезли из моей жизни, но новые не заставили себя ждать. Жизнь менялась, пусть и не по моей воле.

Не знаю, почему меня держали в больнице целую неделю. Обычно ведь мечтают избавиться от бесплатных пациентов, чтобы поскорее заселить того, у кого кошелек набит до от-

каза и кто готов положить пару крупных купюр в карманы врачей и медсестер. А здесь я, какой-то мальчик, который денег, по сути, в руках никогда не держал.

Наступил восьмой день моего пребывания в больнице. В палату зашла Настя. Первое, что я заметил – это отсутствие с ней книг, конфет и даже ноутбука. Только черная сумочка на цепочке. На ее лице не было привычного оптимизма, и хотя Настя зашла с улыбкой, она была неискренняя, будто этой широкой фальшивой улыбкой она старалась замаскировать плохое настроение.

– Здравствуй, Марк! – сказала Настя с порога.

Я кивнул.

Гостя мешкала. Только ступила пару шагов и остановилась примерно в метре от меня.

– Как спалось? – спросила она уверенно и искренне, но, поверьте, годы, проведенные с моей сиделки, развили мое чутье.

Я закивал и улыбнулся.

– Вот и прекрасно, – с облегчением сказала она и села на стул. Я сидел на кровати, свесив ноги, – Марк, понимаешь... За дни, проведенные с тобой, я перестала относиться к тебе профессионально. С тобой мне не хотелось проявлять сдержанность, как с обычными пациентами, чьи родители платят мне за это деньги. С тобой я была искренна и честна. И благодаря этой связи и моей привязанности к тебе... я буду навещать тебя в детском доме.

Детский. Дом.

Тюрьма – первое, что пришло мне в голову. Я неоднократно видел в новостях передачи о воспитателях, целые журналистские расследования о том, как они издеваются над детьми и даже над инвалидами. Их обидеть проще всего. А меня так и подавно, ведь я не могу ходить и говорить. Не убегу и ничего никому не скажу. Я буду в ловушке.

По спине пробежал холодок. От мысли, что скоро меня будет окружать общество незнакомых людей, множество миров, в каждом из которых можно утонуть, начала кружиться голова. Так сильно, что я едва не свалился на пол.

– Марк, – Настя заметила резкую смену моего настроения, – все хорошо. Я знаю воспитательниц в этом детском доме. Они все очень заботливые и хорошие женщины, все замужние и с детьми.

Настя нежно провела ладонью по моим волосам и спустила ее к щеке, большим пальцем стирая мокрую дорожку. Ее глаза сверкали от подступающих слез, губы были слегка приоткрыты, но зубы стиснуты, будто за ними она сдерживала бесконечные объяснения.

– Прости. Я не могу тебя забрать, малыш. Не могу, потому что... – она закусила губу, – потому что просто некуда. У меня однокомнатная квартира, в которой я живу с мамой. Сейчас она больна, и я за ней ухаживаю. Не хочу ограничивать тебя в свободе, держать где-то в уголке комнаты и доставлять неудобства.

«Мне не так важно, где. Главное – быть с тобой».

– А там, в детском доме у тебя будет раздолье, – неожиданно оптимистично заявила Настя. – Ты заведешь много друзей, вот увидишь! И, что главное, – она сбавила тон, – там ты найдешь таких же сильных детей, как ты сам.

Мрачный образ детского дома в моем сознании стал медленно растворяться, уступая место светлому месту с приветливыми и заботливыми воспитательницами и детьми, готовыми подружиться со мной. Я найду таких же прикованных к инвалидному креслу, как и я. Узнаю, как они становятся сильными. Буду среди своих.

Такая жизнь кажется заманчивой. Неужели это мое вознаграждение после всего перенесенного ужаса? Ведь после всего плохого обязательно должно прийти что-то хорошее, и наоборот? Разве не это закон жизни? Но есть люди, которые живут по-особенному: для кого-то всегда приходит что-то плохое, а для кого-то – хорошее. Но понятия у всех свои. Для кого-то хорошее – это проснуться, не умерев во сне. Для кого-то плохое – молоко на три рубля дороже, чем на прошлой неделе.

– Я понимаю, Марк, – говорила Настя, глядя куда-то вниз, – тебе страшно, но каждый человек в жизни встает на новую ступень своего пути и каждая такая ступень кому-то дается легко, кому-то нет. А кто-то вообще боится сделать этот шаг и потому долго стоит на месте. Порой очень долго. И жизнь таких людей всегда неблагополучна, потому что нет

места и желания развиваться. Я знаю, ты привык к постоянству, но тебе придется двигаться вперед. Преодолей свой страх, и ты увидишь горизонты своих возможностей.

Эти слова вдохновляли меня. Постепенно вытравляли из души страх и пробуждали желание изменить себя. Выйти из клетки. Стать другим. Все было решено за меня, но и я это решение поддержал, кивая, улыбаясь и стирая слезы с щек.

– Ты молодец, Марк, – прошептала она и уверенней потрепала меня за волосы, вместе с тем хихикнув. – Я начну собирать твои вещи. На улице нас уже ждут. И, кстати, я купила тебе кресло. Говорят, очень крепкое и надежное. Думаю, тебе понравится.

Она вышла из палаты, а после вернулась уже с креслом, о котором я даже мечтать не мог. Оно было с мотором! Больше никаких кручений колес! Я ахнул от восхищения. Боже, сколько же она потратила? Неужели я настолько вошел в ее жизнь, что она готова дарить мне такие дорогие подарки?

– Давай, Марк. – Настя, широко улыбаясь, придвинула кресло к моей кровати и помогла сесть.

Мягкое сиденье, удобные подлокотники, широкая спинка, прижавшись к которой, по моей спине будто пробежал легкий холодок. Боже, как я был счастлив! Я взял с тумбы телефон и набрал в электронном блокноте большими буквами: «СПАСИБО».

– Да не за что, малыш.

Впервые «поездка» по коридору не доставила мне

неудобств. Старое инвалидное кресло, которое мне выделила больница, было ужасно скрипучим и, казалось, вот-вот развалится. Плюс ко всему, ржавые колеса крутить было сплошным мучением. А тут только кнопку нажимать — и все!

Мы оказались на улице. Возле входа стояла машина, ожидавшая нас.

Я остановился. Хоть и знал, что иного пути нет и нельзя свернуть назад, меня все равно сжал в своих объятиях страх перед неизвестностью.

А что, если там будет не так, как рассказывала Настя? Что, если я не найду друзей? Что, если надо мной будут издеваться? Что, если я никому там не буду нужен?

И тогда я начал фантазировать о том, какие дети там меня ждут. Наверняка они делятся на две категории: на безобидных и жестоких. Сердца первых обмякли, и надежда быть принятыми незнакомыми людьми в них умерла. Сердца вторых стали черствыми после неоправданных надежд оказаться в семье. Вторые духовно слабее первых. Они старались гневом затмить свою печаль, а порой, вымещая злость на других, пытались почувствовать от этого облегчение. Я не хотел бы попасть под горячую руку таких детей.

В воротах показалась машина скорой помощи. Она остановилась у дверей в больницу. Из нее неспешно вышли двое мужчин в больничной форме и открыли задние двери. На носилках они вынесли кого-то укрытого белой тканью. Один из врачей, что шел впереди, неожиданно остановился, когда

едва не столкнулся со мной. От резкого толчка из-под белой ткани высунулась рука, теперь свисавшая над землей.

Меня будто окатили ледяной водой при виде этой руки. Эти часы...

Я протянул к врачам руку, чтобы остановить их прежде, чем они скроются за углом.

Настя, заметив это, крикнула:

– Стойте!

– Что такое? – недовольно спросил один из них. Тот, кто был сзади.

– Дайте нам пару секунд, – сказала Настя и устремила на меня взгляд, говоря: «Действуй».

Я подкатил к носилкам, находившимся ниже уровня моих плеч. Рука свисала над моими коленями.

Маленькая ладонь. Короткие пальцы. Такой знакомый циферблат часов. Поврежденное стекло. Дрожащей рукой я откинул белую ткань с головы тела. Данил.

Глава 11

Я плохо помню, что происходило после того, как узнал о его смерти.

Когда мы расставались, то даже не подозревали, что видимся последний раз. Если бы я только знал, то ни за что не отпустил бы Данила.

Мы не можем предсказать, какое слово близкого человека, его взгляд, шаг или движение для нас станут последними.

Меня трясло от холода, внезапно сковавшего все тело. Трясло от внутреннего крика и слез. Трясло от осознания, что я был так не прав, думая, что он меня бросил. Он просто не смог прийти. Потому что все это время был мертв. Все эти дни.

Так мне рассказала Настя. Он упал с пятого этажа недостроенного дома и разбился насмерть.

Я не верил в то, что это несчастный случай. Могло ли это быть убийством? Неужели это тоже сделали ШМИТ? Но как они узнали о Даниле? Прочитали обо мне в газете, следили за моим домом и заметили, кто каждый день приходит ко мне? Но что же Данил делал на той стройке?

Боль от потери друга разбередила рану от смерти отца. И пошатнула веру в Бога. Если он такой милосердный, если он есть, если сам вершит наши судьбы, то зачем давать нам право на жизнь, если все предрешено еще до нашего рождения?

Какой в этом смысл? Он ведь знает, кто умрет в годик, кто в семь лет, кто в семьдесят, а кто в тринадцать. Он ведь знает, какие ошибки мы совершим, знает, что мы не сможем их исправить. Так зачем тогда устраивать весь этот цирк?

Может, Он хочет понаблюдать, сможем ли мы изменить свою судьбу? Может, Он ждет, когда каждый из нас сам сможет ее вершить?

Интересно, какова моя судьба. Мне суждено умереть молодым? Или я доживу до старости? А сколько мне будет лет, когда я слягу, и какой будет моя смерть? Мне стало страшно.

Я думаю, человек не может быть счастливым всю жизнь, потому что каждому человеку отведено определенное время для счастья. Быть может, именно поэтому по-настоящему счастливые люди живут мало?

Прошло два дня с тех пор, как Данила привезли в больницу. Вернее, в морг. Меня смутило, что заносили его тело через центральный вход и все на него оглядывались.

Настя едва меня успокоила. После увиденного ужаса я не мог больше думать ни о каком детском доме, ни о каких злых воспитательницах и обиженных воспитанниках. Все это казалось таким пустяком на фоне смерти Данила. Вряд ли я буду чувствовать себя хуже, чем тогда. Вряд ли.

Проблемы есть, пока мы думаем, что это так. И в тот момент единственное, о чем я прекратить думать не мог, – это утрата отца и Данила. Мысль колоколом звенела в моей голове. Так громко, что я не мог уснуть.

Даже когда пересек порог детского дома, даже когда директор этого заведения, Эльвира Изольдовна, встретила меня на пороге, я не мог прекратить думать об этом.

Это была женщина лет пятидесяти, с крашеными рыжими волосами, нарисованными бровями, с узким лбом и жирным носом. Когда она склонила голову надо мной, в нос мне ударила вонь ее духов, которая резала ноздри и от которой хотелось вырвать прямо на ее цыганскую юбку. Ярко-красная помада была намазана за пределами губ – видимо, так она хотела сделать их более полными. Глупейший ход, если честно.

– Здравствуй, Марк! – Голосок у нее был как у индюка, когда он еще головой трясет и издает странные звуки, будто ругается, а потом распускает хвост как павлин.

Я кивнул в знак приветствия, продолжая смотреть на ее лицо, похожее на измазанный в жире, переливающийся шарик. И три подбородка.

Одно меня радовало: вряд ли такая женщина сможет издеваться над своими воспитанниками. Или же наоборот?

При виде ее широкой улыбочки я невольно вспомнил Аниту. Интересно, как она там, без работы? Ей ведь так важно было «работать» у нас и получать за это деньги.

– Передаю Марка в ваши руки, Эльвира Изольдовна, – торжественно сказала Настя, опуская руки мне на плечи.

– Конечно, Настенька, мы позаботимся о нем, – снова слышался индюшиный голос Эльвиры Изольдовны.

Так я оказался здесь. С этой женщиной. Настя ушла, толком не попрощавшись, но пообещав вернуться.

Когда она сказала: «Я еще приду», мне сразу вспомнился Данил.

«Пожалуйста, не говори, что ты вернешься. Не заставляй меня надеяться и ждать. Что, если ты не сможешь этого сделать так же, как и он? Что, если сейчас мы видимся последний раз?»

Я помню, как вдыхал напоследок пьянящий запах ее духов, дурман, заставлявший чувствовать себя в безопасности. Вбирал тепло ее тела и зарывался носом в волосы. Пытался впитать от нее все, что только мог, до того момента, когда мы снова встретимся.

Уже тогда я понял, что никогда нельзя загадывать наперед. Высшие силы испортят все планы. А разочаровываться я больше не хотел.

На бледно-розовых стенах коридора в виде рисунков жили героини из различных мультфильмов: Рапунцель, Золушка, Белоснежка с семью гномами. А внизу пристроились живые растения в горшках. Это место мне нравилось и внешне, и своей энергетикой. Здесь было светло, чисто, слышался детский смех где-то за закрытыми дверями, и от этого смеха на душе становилось легче.

К нам подошла невысокая женщина. С собранными в хвост каштановыми волосами, добрыми глазами, без капли косметики на лице, с настолько простыми чертами, что ее

легко можно было бы спутать с другими, достаточно поменять прическу и одежду. Оказалось, это была воспитательница спецгруппы, в которую меня определили. Евгения Николаевна.

Она отправила меня в какой-то кабинет, отделанный голубой плиткой, и передала толстой женщине в белом халате. Эта неприятная с виду тетка раздела меня догола и обмыла, а одежду выбросила в урну, после чего собралась сбрить мои волосы станком, который, наверное, использовался тысячу раз, настолько он был старым. Она намылила мне голову, приговаривая, что это для лучшего скольжения, уже занесла станок над моей головой, как вдруг ее остановила моя воспитательница. Она принесла новые вещи и сообщила, что в бритье необходимости нет, так как я из благополучной семьи.

Еще чуть-чуть, и я остался бы без волос! И дело не в том, что мне было жалко шевелюру, а в том, что лысина может отпугнуть или испортить первое впечатление. Хотя, конечно, наверняка половина всех воспитанников прошла через это, но на тот момент я был бы одним из немногих таких лысых.

Меня обтерли грубым старым полотенцем с такой силой, что я боялся, как бы не содрали кожу. Лишь после всех этих мучений мне позволили и помогли одеться. Никто не спрашивал, хочу ли я такую одежду, как раньше это делал папа. Просто поставили перед фактом.

Потом Евгения Николаевна показала кровать и тумбоч-

ку, которую мне придется делить с соседом или соседкой. Показала туалет, в котором не было ни одной кабинки. Для особенных детей, конечно, предусматривался другой туалет, и все же это наверняка неприятно, когда приходится раздеваться и справлять нужду перед кем-то, просто потому что нет никаких перегородок.

– Ну, мальчик мой, – начала Евгения Николаевна, – давай я тебя познакомлю с ребятами. Уверена, ты найдешь с ними общий язык.

Она завела меня в помещение в конце коридора, откуда исходил холодный свет. Двери были обычные, из белого пластика с матовыми стеклами.

Я нажал на кнопку и двинулся вперед.

Оказалось, что это столовая, которая сейчас кишела детьми разных возрастов. Они выглядели не сказать, что счастливыми, но и на несчастных не походили. Улыбались друг другу, что-то рассказывали, иногда смеялись.

Я проезжал мимо столов, за которыми сидели девочки лет восьми-десяти. Одна из них была такой маленькой, что ее ножки не доставали до пола, и она дрыгала ими «в свободном полете». Мы пару раз встретились взглядами, но я сразу отводил глаза в сторону, боясь увидеть презрение.

Потом я заметил колясочника. Он сидел за одним из столов в трех метрах от меня и беззаботно что-то обсуждал со своими, на первый взгляд, здоровыми друзьями. Их не смущало, что с ним нельзя поиграть в футбол, что он всегда бу-

дет медлить, что за ним нужно следить и относиться к нему по-особенному.

Он был менее худой, нежели я, и в хорошем настроении. Пока я наблюдал, парень пару раз широко улыбался своим друзьям и опускал взгляд.

Мне вдруг нестерпимо захотелось узнать, что он за человек, кто все эти дети, которые меня окружали. Десятки маленьких миров, в каждом свои плюсы и минусы, свои точки зрения и увлечения. От такого выбора у меня закружилась голова и проснулась уверенность в себе.

Но тут я вспомнил один немаловажный факт: как вести разговор? Телефон мой сгорел вместе с домом, а новый мне так и не дали. Вот подъеду я к этому мальчику, ну посмотрю на него, он обратит на меня внимание, как и его друзья. А дальше что?

– Ну как тебе, Марк? – спросила Евгения Николаевна, опуская руку мне на плечо.

В ответ я лишь кивнул.

– Хорошо, теперь ты знаешь, где у нас столовая. Сейчас я покажу тебе нашу игровую и зал, в котором каждая группа по очереди делает уроки. Все по расписанию. Еще ты должен кое-что знать: как только нашему воспитаннику исполняется восемнадцать, он становится взрослым и покидает стены детского дома. Государство должно выделять таким людям жилье.

«Как только нашему воспитаннику исполняется восемна-

дцать, он становится взрослым...» — засело у меня в голове.

«Я стану взрослым в восемнадцать лет. Почему именно восемнадцать?»

«Таков закон», — отвечал я сам себе, вспоминая эти дурацкие круглые значки «18+», «16+», которые клепали на каждую рекламу или фильм.

«Я знаю. Но ведь подростки курят и пьют хоть с двенадцати, хотя положено с восемнадцати, а кто-то и вовсе начинает это делать после тридцати. Значит, я могу повзрослеть тогда, когда захочу? А можно вообще не взрослеть?»

Мне хотелось оставаться тринадцатилетним ребенком. И чтобы мне не исполнялось четырнадцать, потому что из передач по телевизору я знал, что это возраст проблем и нервов, неразделенной любви и комплексов. Это возраст, когда твое тело меняется и растет. Все это мне не нужно. Мне своего хватает.

Раньше я путал значения слов «взрослеть» и «расти». Какое-то время думал, что это одно и то же, но в конце концов понял, что человек взрослеет душой, а растет телом. И если повзрослеть я могу когда угодно, то вырасти или стать меньше по своему желанию не удастся. Взросление, как и любовь, приходит ко всем по-разному. Выходит, я все-таки могу душой навечно остаться тринадцатилетним мальчиком? Ведь в человеке душа важнее тела?

Почему дети спешат взрослеть, а когда становятся взрослыми, мечтают снова стать детьми? Потому что теперь есть

с чем сравнить детство.

– Марк! – раздалось где-то из глубин столовой.

Я отпустил кнопку. Повернул голову на знакомый голос и обомлел.

София.

Девочка быстро лавировала между стульями и воспитанниками, стоявшими со своими тарелками. Она подбежала ко мне с раскинутыми в стороны руками и сжала в своих объятиях. Я услышал хныканье, затем плач. На голове у нее была тоненькая шапочка.

София обняла меня, прижавшись к плечу, и вцепилась в волосы на затылке, все рыдая и повторяя:

– Данил. Данил. Данил!

Глава 12

После обеда нас стали распределять по группам.

Как оказалось, Рома тоже был здесь.

Я ждал момента, когда мы окажемся одни, но это было невозможно. Воспитатели следили за тем, чтобы дети из их групп никуда не отлучались. Мы воспользовались тем, что Евгения Николаевна и еще какая-то воспитательница завели разговор, быстренько выбрались из столовой и вышли во двор.

Надвигалась непогода: небо посерело, а вдалеке сверкали молнии. Мы сели в одной из беседок, надеясь, что еще хотя бы пару минут нашего отсутствия никто не заметит.

София не снимала шапку и часто тянула ее вниз, боясь, что та слетит или соскользнет с головы. Под ней она прятала бритую голову, стеснялась этого и явно не могла свыкнуться с мыслью, что ее волосы сейчас валяются где-то в мусорке. Рома же ничего прятать не стал. Ему даже шло без волос, если честно.

Ребята были в свежей, новой одежде, и если Роме подобрали все по размеру, то на Софии водолазка немного висела.

Кое-что еще в них изменилось – появилась тревога в глазах. Они запомнились мне... другими. Не знаю, какое слово подобрать, но тогда они были другими, а сейчас я не мог их

узнать. От них веяло печалью, которая казалась заразной.

– Марк... – только и сказала София, когда пелена слез снова застила ее глаза и она захныкала, спрятав лицо за дрожащими тонкими пальцами с короткими ногтями.

Рома вздохнул. Он прижал девочку к груди, продолжая смотреть на стол.

– Данил... – начал он, и в тот же миг дрожь в теле Софии усилилась, а плач стал еще громче и жалостливей. Я стал нервно поглядывать на вход в детский дом.

Рома сбавил тон и продолжил:

– Он ушел утром в тот день. Сказал, что к тебе, но потом вернулся, оставил телефон и... пропал. Больше мы его не видели.

– Ты... – сквозь хныканье произнесла София, отстраняясь от груди Ромы, – ты знаешь, что случилось? Можешь написать? – Она нащупала в кармашке юбки телефон и протянула его мне. Он принадлежал Данилу. Он был единственным в их «общине», у кого имелся телефон. – Только никому не показывай. Вдруг украдут или воспитатели заберут.

Я открыл блокнот и настроил:

«он был со мной. сказал что вернется. а потом ушел. больше я его не видел».

Я отдал телефон с ответом. Надеялся, это хоть что-то прояснит, но стало только хуже. София широко раскрыла глаза, вчитываясь в строки, и, казалось, каждое слово причиняло ей боль. Она заплакала снова. На этот раз сильнее. Так по-

детски, хныча и растирая слезы и сопли по лицу. Все-таки она еще ребенок. Все-таки все мы еще дети.

Рома достал из кармана брюк газету, развернул и зачитал: «По сообщению источников, на стройке нового торгового центра “Ранина” нашли труп мальчика предположительно тринадцати-четырнадцати лет. Личность не установлена. По предварительным данным, мальчик упал с пятого этажа и получил травмы, несовместимые с жизнью...»

Рома печально взглянул мне в глаза и сказал:

– После смерти Данила к нам в дом пришли полицейские. Они откуда-то узнали, что он жил с нами. Тут же всплыло, что мы беспризорные и у нас нет родителей. Нас отправили в детский дом в том, в чем мы были. Кто-то, как Сережа, сбежал, кого-то отправили в полицейский участок, откуда они, наверное, попадут в детскую комнату полиции. Не знаю. В любом случае больше мы их не увидим.

Он говорил таким тоном, словно уже бывал свидетелем подобного. Наверное, когда-то их уже находили, но тогда Роме, Данилу и Софии удалось сбежать.

«разве в детском доме не лучше чем на улице?» – спросил я через блокнот, на что Рома ответил:

– Сережа когда-то был в этом детском доме. Он сказал, что здесь нет свободы, все нужно делать по расписанию, все делают то, что им велят, а не то, что хотят. Поэтому сбежал.

Я представил себя на месте Сережи и особой тяжести обстановки не почувствовал, потому что, если подумать, с си-

делкой Анитой мы жили примерно по такому же сценарию. Но это мне было достаточно легко привыкнуть к мысли, что отныне я не буду свободным, потому что свободным я никогда и не был. Но каково же Роме и Софии? Детям, которые жили на воле и сами решали, что им делать, а что нет.

Но, если честно, я все равно не до конца понимал их мотивы. Разве не лучше быть в детском доме, в тепле, в свежей одежде, сытыми и общаться с другими детьми, пусть тобой и будут руководить, чем выживать на улице? Может, я чего-то не знаю?

Я протянул телефон Данила обратно Софии, но она меня остановила.

– Оставь. Тебе он нужнее.

В дверях появилась Евгения Николаевна и позвала нас.

Прошло пять дней, за которые я не нашел новых друзей в своей группе. Старался держаться рядом с Софией и Ромой, но это удавалось сделать лишь в столовой, на улице, если расписания прогулок наших групп совпадали, или в игровой.

Как бы хорошо я ни относился к Роме, что-то в нем притягивало и отталкивало одновременно. Для меня он был загадкой, и я не знал, чего от него ждать. Он был добр душой, и я чувствовал это, но на лице его почти никогда не отображались эмоции. Будто он носил маску вечного негодования, приросшую к лицу, которую он никак не мог снять. Или даже не пытался это сделать.

Было ужасно скучно. Настя приходила раз в два-три дня и приносила что-нибудь вкусненькое. В моменты, когда она приседала передо мной, с улыбкой на лице доставала из пакета большую коробку печенья в виде мишек и вручала ее мне, я чувствовал, как спину прожигают завистливые взгляды. И я понимал их обладателей. На их месте я бы вел себя точно так же.

Однажды после такого визита Насти ко мне подошел мальчик десяти лет. Бросая взгляды на небольшой бумажный пакет, набитый едой, он спросил:

– Кто эта девушка, которая постоянно к тебе приходит?

Я взял телефон Данила в руки и настроил:

«мой психолог. она ухаживает за мной»

– М-м-м... – протянул он, – а почему она тебя не забирает?

«она не может. у нее проблемы»

– Проблемы? – удивился мальчик. – Какие проблемы?

Где-то глубоко в душе раздался тревожный звонок, обозначающий, что ему пора бы остановиться и не задавать такие вопросы. Но я проигнорировал свою интуицию по нескольким причинам. Что, если он посчитает меня грубым и расскажет об этом всем? Ведь тогда я точно не найду друзей. К тому же это был шанс с помощью разговора стать ближе к мальчику, и это будет мой первый шаг на пути к адаптации в детском доме. Ведь не могу же я вечно держаться только с Ромой и Софией?

«у нее нет места в доме. она живет в однокомнатной квартире с больной мамой и меня некуда деть»

Я немного волновался, когда протягивал ему телефон.

Мальчик ухмыльнулся. И эта ухмылка переросла в смех. Противный громкий смех. Он будоражил все мое нутро. Мне стало неловко перед ним, хоть я ни в чем и не был виноват. Я почувствовал себя просто ничтожным под шквалом этого смеха и презрительным взглядом. Они разбивали все мои надежды.

Я оглянулся, прижимая к себе телефон. Все смотрели на нас. Приближались, чтобы расслышать отчетливее, что у нас происходит.

– Ха-ха! – Мальчик, чьего имени я не знал и, впрочем, знать уже не хотел, постепенно стал успокаиваться. – Она через каждые два дня приходит к тебе с полным набором вкусностей как минимум на тысячу и не может снять двухкомнатную квартиру? Ты шутишь? А ее одежда, ты не заметил? Моя мама раньше такую продавала. Один ее пиджак тысячу пять стоит, что уж про остальное говорить? Тебе не кажется, что она просто врет? Ты не думаешь, что она просто не хочет брать на себя такую обузу? Не думаешь, что приходит к тебе из жалости?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.